БИБЛИОТЕКА ВУНДЕРКИНДА • НАУЧНЫЕ СКАЗКИ

Сергей Нечаев

РУССКАЯ ИСТОРИЯ НА ПАЛЬЦАХ

ДЛЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ ХОТЯТ ОБЪЯСНЯТЬ ДЕТЯМ

Библиотека вундеркинда

Сергей Нечаев

Русская история на пальцах. Для детей и родителей, которые хотят объяснять детям

«АСТ»

2017

УДК 94(97)
ББК 63.3(0)8

Нечаев С. Ю.

Русская история на пальцах. Для детей и родителей, которые хотят объяснять детям / С. Ю. Нечаев — «АСТ», 2017 — (Библиотека вундеркинда)

ISBN 978-5-17-101814-6

Удивительно, как скучно сегодня выглядит изучение истории в школе. Спросишь какого-нибудь школьника или студента, а он в ответ: «Фу, история…» Да как же такое возможно? И как же это нужно постараться, чтобы история, полная захватывающих событий, интриг и приключений, стала «скучной»? Все мы любим сказки о храбрых героях и прекрасных царевнах – так почему же нам так не нравится наша собственная история, полная загадок и интриг? Здесь действуют реальные люди, и добро побеждает далеко не всегда. Зато какие персонажи! Какие личности! Из этой книги вы узнаете: – Самые интересные события от крещения Руси до Великой Отечественной войны; – Все тайны династии Романовых; – Главные мифы российской истории!

УДК 94(97)
ББК 63.3(0)8

ISBN 978-5-17-101814-6

© Нечаев С. Ю., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

От автора	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Нечаев
Русская история на пальцах

От автора

Удивительно, как сегодня выглядит изучение истории в школе. Спросишь какого-нибудь восьмиклашку, а он в ответ: «Ну, история – это скучно…» Да как же такое возможно! И как же это нужно постараться, чтобы история, полная захватывающих событий, интриг и приключений, стала «скучной»…

При этом взрослые еще возмущаются, что дети не знают элементарных вещей типа того, кто такой Ленин и кто с кем воевал во Второй мировой войне.

Казалось бы, дети любят слушать чудные рассказы о храбрых героях и прекрасных царевнах, их веселят сказки о добрых и злых волшебниках. Тогда наверняка им должно быть еще интереснее слушать не сказку, а быль, то есть сущую правду о том, как жили наши предки. И таких историй написано множество. Сиди себе и читай. Так нет – для многих детей история превращается в ужасный школьный предмет, где надо зазубривать какие-то сухие даты, имена, фамилии, малопонятные факты. Словом, совершеннейший кошмар…

Но удивительно и другое. Казалось бы, на вопрос, как учить детей истории, отвечают сотни методических пособий. Но, видимо, как-то не слишком вразумительно отвечают. Вот и учат дети историю, например, Франции по произведениям Александра Дюма. А в них настоящей истории – кот наплакал. Ведь не зря же этот писатель сам признавался, что история – это гвоздь, на который он вешает плащ своей фантазии. Но детям все равно – ведь интересно же!

Так, может быть, проблема в том и заключается, что в школе на уроках истории детям должно быть интересно?

Но тут сразу же возникает другой вопрос: а как, подогревая интерес, не перегреть его? А то ведь, не ровен час, может накрыть волной нездорового любопытства. А нездоровое любопытство еще никого до добра не доводило. И еще: а стоит ли скрывать от детей какие-то горькие и страшные вещи, какими изобилует реальная история? Хотя, с другой стороны, если обратиться к классическим сказкам народов мира, то там чувства детей не больно-то щадят. Там ведь постоянно кто-то кого-то убивает, что-то похищают, обманывают, несправедливо делят… И ничего.

В истории, в отличие от сказок, действуют реальные персонажи, и там добро побеждает далеко не всегда.

Зато какие персонажи!

Какие личности!

Как писал Мигель де Сервантес, «история – это сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего». Да, истории трудно доверять. Да, она очень субъективна, ибо властвует в ней не факт, а интерпретатор факта, то есть тот, кто об этом факте рассказывает. Да, историю или плохо пишут, или недобросовестно переписывают. А порой ее умышленно перевирают люди, имеющие какие-то свои интересы, или приукрашивают те, кто обладает слишком богатым воображением. Но никто и не собирается отрицать то, что правду тяжело удержать, а мифы и выдумки настолько легко смешиваются с реальностью, что выглядят, в конце концов, куда более логичными, чем эта самая реальность.

Одни говорят, что историки – это «археологи заблуждений», другие уверены, что они – «крупнокалиберные сплетники». Не будем углубляться в эту тему, достойную отдельной

книги. В данном случае нам важно другое: интерес всегда провоцирует любопытство. А любопытство, роясь в тайнах, разрыхляет почву для ума. И если оно (в смысле – любопытство) касается серьезных предметов, его уже именуют жаждой познаний. Как говорил Роберт Льюис Стивенсон, «желание и любопытство – два глаза, магически преображающие мир».

Ну, а как же пресловутые сухие даты, бесконечные имена и фамилии? Без них в истории – никуда, и именно этим эта наука отличается от тех же сказок или популярных комиксов, в которых историческая достоверность близка к нулю. И, кстати, не такие уж они и «сухие» и «бесконечные», если рассказать все немного по-другому.

А как же быть с субъективностью? Ведь разные люди (разные интерпретаторы) обычно рассказывают об одном и том же совершенно разные вещи.

Но и это – не беда.

Ведь что делает любую красоту особо интересной? Только то, что она спорная.

Глава 1
Образование Древнерусского государства

В древние времена в нашем отечестве не было таких прекрасных городов, как Москва и Санкт-Петербург. На тех местах, где вы теперь любуетесь красивыми зданиями, широкими проспектами и уютными парками, наслаждаетесь сокровищами архитектуры, контрастирующими с бешеным ритмом большого города, когда-то были видны лишь непроходимые леса, топкие болота да неказистые избенки.

Дошедшая до нас древнерусская летопись «Повесть временных лет» (она, если кто не знает, излагает события русской истории до начала XII века, и ее первая редакция была составлена примерно в 1113 году монахом Киево-Печерского монастыря Нестором) констатирует: «И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и возле Дуная».

Были эти люди честными и добрыми, но на войне они становились страшными и непримиримыми. Именно так – на войне они были так храбры, что и весьма отдаленные народы боялись их. Одно было плохо – не знали славяне истинного Бога и молились всевозможным идолам.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Наши предки звались славянами, теми самыми славянами, которые ныне расселены на обширной территории Южной, Центральной и Восточной Европы и далее на восток – вплоть до Дальнего Востока России. Считается, что сейчас общая численность славян в мире – 300–350 миллионов человек, и среди них выделяются западные славяне (поляки, чехи, словаки, силезцы и др.), восточные славяне (русские, белорусы, украинцы и русины) и южные славяне (болгары, сербы, черногорцы, хорваты, боснийцы, македонцы и словенцы).

Существуют несколько версий происхождения слова «славяне». По одной из них, оно происходит от слова «словене» – это люди, знающие наши слова, говорящие «по-нашему», в отличие от немцев – «немых», то есть не владеющих нашим языком. По другой версии, слово «славяне» происходит от «славене», что значит славные.

В далекой древности насчитывалось полтора десятка только восточнославянских племен: это были кривичи, древляне, поляне, вятичи, уличи, бужане, волыняне и т. д.

А что такое идол?

Это – истукан – статуя, вырезанная из дерева и представляющая собой человека или зверя.

А как называется тот, кто поклоняется идолам?

Идолопоклонник. Или язычник. Но ученые, как правило, избегают использования терминов «язычник» и «язычество» из-за неопределенности и разнообразия их смыслов.

Ну, и пусть себе избегают. Для нас же тут важно то, что славяне были разделены на разные племена, поклонявшиеся разным истуканам, и они все почитали начальником своим того, кто больше всех отличался на войне. А войну и все связанное с ней славяне очень любили, ибо на поле боя можно было лучше всего увидеть истинный характер человека. Но это представляло собой очень большую проблему.

Как вы думаете, почему?

Да потому, что славяне не имели одного государя, а так как все они были храбры, то и всевозможных начальников у них было много. И что характерно, каждый из них желал приказывать по-своему, и народ не понимал, кого слушать, и от этого у славян происходили постоянные споры и несогласия.

И вот наступил момент, когда славяне поняли, что из-за этих несогласий все их дела идут дурно, и они даже перестали побеждать своих врагов, которых до этого всегда побеждали. Долго думали они, что делать, и наконец придумали средство привести все в порядок.

* * *

В те времена на берегах Балтийского моря (тогда, впрочем, никто еще не знал, что оно так будет называться) жил другой народ, называвшийся варяго-руссы.

Кто же были эти варяго-руссы или просто варяги?

Одни историки считают, что они происходили от великих завоевателей в Европе – норманнов.

КСТАТИ

Норманны – это значит «северные люди». Считается, что этот термин использовался жителями Западной Европы по отношению к скандинавам, опустошавшим их государства морскими набегами. В самой Скандинавии норманнов называли викингами (воинами), а вот на Руси они получили наименование «варяги». То есть, по сути, эти «находники из-за моря» были обычными морскими разбойниками, что уходили из родных поселений в вик (в путь), чтобы промышлять банальным грабежом.

Другие историки утверждают, что варяги – это финляндцы, жившие за Ладожским озером, то есть за Русским морем, и что они так назывались потому, что имели русые волосы. Третьи рассуждают так: варяго-руссы происходили из Пруссии, где окрестности реки Неман назывались Порусьем. Ну, а есть и такие, кто говорит, что варягами были турки, обитавшие по северным берегам нынешнего Черного моря.

Вот, между прочим, у историков всегда так: одни предлагают одну версию, другие – другую, а третьи утверждают, что все вообще было совершенно иначе. Однозначные ответы встречаются редко, и даже свидетели одного и того же события порой описывают его совершенно по-разному.

И кому же верить?

Отвечу на этот вопрос словами героя одного очень хорошего фильма: «Верить нельзя никому. Порой даже самому себе. Мне – можно!»

Но это так, лирическое отступление. А для нас тут важно другое:

Кем бы ни были варяги, древнерусская летопись «Повесть временных лет» именно с ними связывает появление Древнерусского государства.

Соседи считали варягов народом умным, потому что у них уже давно имелись правильные государи, которые заботились о них так, как заботится добрый отец о своих детях, и у них были придуманы законы, по которым эти государи управляли ими. Поэтому варяги, по мнению окружающих, жили вполне себе счастливо.

Видя это, славянские старейшины уговорили своих соплеменников отправить послов к этому храброму и предприимчивому народу, чтобы просить у него князей для управления ими. Послы сказали варяжским князьям: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, так что идите княжить и владеть нами».

Понятное дело, варяги оказались очень даже рады такой чести, и отправился к славянам князь Рюрик. Он пришел в новгородские земли, пришел по призыву славян, пришел для того, чтобы положить конец их внутренним раздорам и междоусобицам. И он стал основателем Новгородского княжества на Руси, князем новгородским с 862 года и родоначальником княжеской (ставшей впоследствии царской) династии Рюриковичей.

Но он пришел не один. Вместе с ним пришли его братья Трувор и Синеус. Первый сел начальствовать в Изборске (ныне это деревня в Печорском районе Псковской области), а второй – на земле, лежавшей около Белого Озера (оно находилось на западе нынешней Вологодской области, а теперь входит в состав большого водохранилища, являющегося частью Волго-Балтийского водного пути).

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Таким образом (и это очень важно понимать), варяги были лишь исполнителями воли славян. Поэтому неправы те, кто говорит, что варяги якобы поработили славян. На самом деле, вся власть варягов над славянами состояла не более чем в охране внешней безопасности и внутреннего порядка, за что славяне сами обязались платить дань и изъявлять покорность. Точнее, так – славяне наняли варягов. За деньги наняли. И, кстати, именно поэтому одно из первоначальных значений слова «варяг» – наемник. Но при этом варяги не имели сильного влияния на славян, так как Рюрик и его люди были народом безземельным, кочевым и стояли на весьма низком уровне образованности.

Плюс они прибыли к славянам по просьбе, сделавшись повелителями по добровольному подданству, а не насилием. А еще прибывших варягов было очень мало, и им, в случае чего, можно было легко открутить головы.

От этих трех варяго-руссов славяне начали называться русскими, а земля их – Русью или Россией.

Трувор и Синеус вскоре умерли, и после этого власть на Русской земле сосредоточилась в руках Рюрика. Он стал на ней Великим князем русским, и княжил он счастливо два года с братьями, а потом пятнадцать лет без них.

* * *

Рюрик умер в 879 году, но до этого он успел жениться, и жена родила ему сына Игоря. Однако после смерти Рюрика сын этот был еще маленьким и не мог работать государем. А посему Рюрик перед смертью попросил своего родственника и товарища по имени Олег (Ольг) управлять государством, пока Игорь не повзрослеет.

Подчеркнем еще раз, ибо это точно не помешает, языческие славяне были мирным и гостеприимным народом, чтившим род, старшинство в роду и семью. А вот варяги – это было полное отрицание семьи, отца и матери. В их, по сути своей, бандах во главе угла был один закон – безусловное подчинение сильному вожаку. И это нужно всегда иметь в виду, чтобы понимать, что за среда породила Рюрика, по каким законам воспитывались его сын, внук, правнуки и т. д.

Но вернемся пока к Олегу. Конечно, он был храбр и хитер, и он победил много соседних народов и так увеличил Русь, что при нем она стала простираться почти до Карпатских гор, за которыми лежала территория мадьяр (венгров).

В летописи «Повесть временных лет» говорится, что Олега прозвали Вещим (знающим будущее, предвидящим будущее), и прославился он тем, что захватил Киев и перенес туда столицу, объединив тем самым два главных центра восточных славян.

А дело было так. Двое смелых воинов Рюрика, по имени Аскольд и Дир, отправились с товарищами на юг от Новгорода, и на прекрасных берегах реки Днепр они увидели маленький городок, который им очень понравился. Этот городок и был Киев, который, согласно легенде, основали три брата: Кий, Щек и Хорив, а также сестра их Лыбедь. Это был центр племени полян, и он был назван в честь старшего брата Кия.

Аскольд и Дир недолго думали и завладели Киевом, сделавшись государями Киевскими. А в 882 году преемник Рюрика князь Олег, захватив Смоленск и ряд других городов, подошел к Киеву и узнал, что там правят Аскольд и Дир. И тогда Олег пошел на хитрость. Он спрятал своих воинов в ладьях и послал за Аскольдом и Диром, назвавшись купцом, плывущим в небольшой лодке в греческие земли. Когда же те пришли, воины выскочили из ладей, и Олег сказал окруженным Аскольду и Диру, что они не княжеского рода, а он – княжеского, а вместе с ним еще и малолетний сын Рюрика Игорь. После этого Аскольд и Дир были убиты, а Олег стал киевским князем.

А еще Олег прославился походом в Византию. В 907 году он, снарядив 2000 ладей по 40 воинов в каждой, выступил в поход на Царьград (так тогда славяне называли будущий Константинополь и нынешний Стамбул) – столицу тогдашнего славного «греческого царства», занимавшего Балканы и Малую Азию.

Византийский император Лев VI Философ приказал затворить ворота города и загородить цепями проход в гавань, предоставив таким образом варягам возможность грабить и разорять пригороды. Однако Олег пошел на очень необычный штурм. Он приказал своим воинам сделать колеса и поставить на эти колеса ладьи. И когда подул попутный ветер, подняли они в поле паруса и пошли к городу.

При виде подобной невидали защитники города испугались и предложили Олегу мир. Согласно договору, Византия пообещала платить победителям дань, а Олег в знак славной победы прибил свой щит к вратам Царьграда.

Впрочем, многие историки считают этот поход легендой. А вот другие утверждают, что именно Олег объединил Новгородскую и Киевскую земли, установил контроль над двумя важнейшими отрезками пути «из варяг в греки» и тем самым подвел, как сейчас говорят, экономическую базу под еще складывавшееся государство.

В самом деле, во время правления Олега в его руках сосредоточилась власть над территорией от Ладоги до низовьев Днепра и сложилось подобие федерации племен во главе с Великим князем Киевским.

И уж совсем не легенда то, что осенью 912 года князь Олег погиб от укуса змеи (волхвы предсказали князю гибель от «коня своего», он расстался с животным, а когда конь умер, он посмеялся над предсказанием и поставил ногу на череп коня, но оттуда выползла змея и смертельно ужалила князя). Впрочем, известный историк Н.М.Карамзин назвал все это «явной народной басней, достойной замечания по своей древности». Ну, в самом деле, для этого же было необходимо, чтобы Олег ходил совершенно без обуви, а князья в то время носили тяжелые сапоги, прокусить которые змее явно не под силу.

Хорошо. Тогда пусть будет так – и уж совсем не легенда то, что в 912 году, после смерти Олега, стал править Игорь, сын Рюрика, муж княгини Ольги и отец Святослава Игоревича.

* * *

Согласно «Повести временных лет», Ольгу Игорю привели в 903 году, когда ей исполнилось 12 лет (по византийским законам той эпохи, именно с этого возраста девушка считалась совершеннолетней), а ему – 25. Но дата эта сомнительна, так как их сын Святослав, согласно тому же источнику, родился только в 942 году.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

В те времена печенеги занимали территории между Киевской Русью, Венгрией, Дунайской Болгарией, Аланией (предгорьями Северного Кавказа), территорией современной Мордовии и населявшими Западный Казахстан тюрками-огузами. Они не строили домов, но делали подвижные шатры или шалаши. Когда стада их не находили более корма на лугах, они переносили шалаши свои на другое место и оставались там, пока была трава. Они прекрасно передвигались на лошадях, и это помогало им нападать на своих соседей, уводить в плен бедных жителей и убегать от возмездия. Печенеги также любили наниматься на службу к таким народам, которые имели с кем-нибудь войну, и тогда они злодействовали, сколько им заблагорассудится.

Игорь, как и все русские князья, был храбр, но не так удачлив, как Олег: при нем явились в первый раз в Россию печенеги – народ, который потом долгие годы был страшным врагом наших предков.

Игорь никак не мог прогнать печенегов подальше от границ своего государства. Считается, что в 943 году Игорь собрал большое войско из варягов, славян и печенегов и двинулся на Византию конницей по суше, а большую часть войска отправил по морю. Предупрежденный заранее византийский император Роман I Лакапин выслал послов с богатыми дарами навстречу Игорю, уже достигшему Дуная. И Игорь, удовлетворенный данью, повернул назад.

А осенью 945 года Игорь по требованию дружины, недовольной своим содержанием, отправился за данью к древлянам, обитавшим в Полесье (в нынешней Житомирской области и на западе нынешней Киевской области). Древляне не числились в составе его войска, и поэтому Игорь решил поправить финансовое положение за их счет. Но древляне были также славянского племени, а Игорь решил взять с них больше дани, чем они платили обычно. Древлянам это показалось так обидно, что они забыли всякое почтение и убили Игоря и всех его дружинников, так как их было мало.

Так погиб этот несчастный государь. Он княжил 32 года, но не отличился никакими особенно примечательными делами.

Гораздо более Игоря прославилась его прекрасная супруга Ольга. Святослав, ее сын, был еще очень мал, когда умер его отец, и потому Ольга правила государством вместе с двумя знаменитыми воеводами: боярином Асмудом, дядькой-наставником маленького Святослава, и Свенельдомом, начальником войска.

Согласно преданиям, вдова князя Игоря жестоко отомстила древлянам.

Глава 2
Княгиня Ольга – гроза древлян и печенегов

Относительно происхождения княгини Ольги существует несколько версий. В одной старинной летописи можно прочитать, что Игорь привел себе жену из Плескова (вариант от Пскова) в 903 году. Другие авторы называют Ольгу уроженкой Изборска: якобы она принадлежала к роду князей Изборских, и звали ее варяжским именем Хельга (в русском произношении – Ольга). Кто-то заявляет, что она была правнучкой легендарного Гостомысла, который начальствовал в Великом Новгороде, и первоначально носила имя Прекраса, но была переименована князем Олегом в свою честь, другие считают ее дочерью Олега, третьи сообщают, что она была простой крестьянкой, понравившейся Игорю и потому ставшей его женой. А в одном рукописном сборнике XV века имеется информация, согласно которой Ольга была болгарской княжной из города Плиски, и ее привез на Русь Олег Вещий в качестве невесты для князя Игоря.

История не сохранила ее изображения, и можно только догадываться, какой была княгиня Ольга: маленькая или высокая, русая или темноволосая. Но хорошо известно, что характером она обладала твердым, умом незаурядным и, как отмечает летописец, была очень красива. Известно также, что она имела в Киеве свою дружину и успешно вела войны против непокорных соседей.

После убийства в 945 году древлянами ее мужа, правителя Киевской Руси князя Игоря, Ольга осталась одна с сыном Святославом, к которому по закону переходил киевский престол. Но поскольку малолетний Святослав править еще не мог, то на основании нормы древнерусского права, согласно которой вдова, если она не выходила вновь замуж, исполняла после смерти мужа его хозяйственные и социальные функции, княгиня Ольга приняла бразды правления государством в свои руки.

После убийства мужа Ольги древляне сказали:

– Русский князь убит, и пусть его жена выходит за нашего князя Мала.

И они послали к Ольге в лодке двадцать лучших своих мужчин. Ольга ласково встретила посланных и спросила:

– Ну, скажите, зачем вы пришли?

Древляне начали говорить:

– Нас послала древлянская земля с такою речью: мы убили твоего мужа, потому что твой муж, как волк, расхищал и грабил, а наши князья всегда были добры… Выходи замуж за нашего князя Мала.

Ольга отвечала:

– Мне любо это слышать… Как же быть? Уже не воскрешу мужа! Но я хочу завтра почтить вас перед своими людьми, а теперь идите-ка в лодку и ложитесь там с важностью. А утром, как пошлю за вами, вы и скажите: не едем на конях, и пешком не идем, а несите нас в лодке. И понесут вас в лодке.

А потом она велела выкопать глубокую яму, вне города, на дворе теремном. На другой день, сидя в тереме, Ольга послала за гонцами. Посланные сказали им:

– Зовет вас Ольга на великую честь.

– Не едем ни на конях, ни на повозках, – заявили они, – несите нас в лодке.

Киевляне отвечали:

– Воля не наша. Князь наш убит, а княгиня хочет идти за вашего князя.

И понесли их. Они же сидели с важным видом, а как принесли их на двор, так и бросили в яму вместе с лодкой. А потом засыпали их всех живьем землей.

После этого Ольга сообщила древлянам: «Если вы хотите просить меня, как следует, то пришлите тех, кто познатнее, иначе не пустят меня киевские люди». Древляне исполнили ее волю. Для прибывших гостей, по старому обычаю, приготовили баню, а там их всех заперли и сожгли.

Затем Ольга со своей дружиной захватила и сожгла столицу древлян, город Искоростень. Около 5000 воинов-древлян были убиты в этом сражении, а город она сожгла, согласно легенде, привязав горящую паклю к лапам птиц. Остальных Ольга приказала переловить: кого-то она отдала в рабство, а прочих обложила данью. И надо сказать, что ее собственная дружина эти поступки вполне одобрила, ведь в те суровые времена месть была делом столь же почетным, как и внешние завоевания.

На следующий год после древлянского похода княгиня Ольга двинула свою дружину на север, в Новгородчину, и там тоже победа осталась за ней.

Но совесть Ольги говорила ей, что она поступила слишком жестоко: за смерть одного погубила тысячи, умертвила больше невинных и беззащитных, чем виновных. А от христиан она слышала, что Бог велел прощать врагов, молиться за них, делать им добро, даже любить их. Ольга почувствовала правду этих евангельских слов и решила стать христианкой.

Для этого в 955 году она с большим посольством отправилась в Царьград.

Ее принимал император Константин VII Багрянородный. Летопись говорит, что Ольга так понравилась императору, что он стал домогаться ее любви. Тогда хитроумная княгиня сказала:

– Я – язычница. Если ты хочешь, чтобы я сделалась христианкой, то крести меня сам.

Константин окрестил ее, и дано ей было при крещении имя Елены, древней царицы, матери Константина Великого. А когда она стала крестной дочерью императора, тот уже не мог требовать от нее любви. За этот поступок предание нарекло Ольгу «мудрейшей из людей».

Вместе с княгиней Ольгой крестились и многие из ее свиты. Вернувшись в Киев, она сразу начала строить церкви. По преданию, ею были построены храмы в Киеве, в Витебске и в Пскове.

В 968 году княгиня Ольга лично руководила обороной Киева, который осадили печенеги, пришедшие на русскую землю. Враги обступили город со всех сторон, так что нельзя было ни выйти из города, ни гонца послать. Вскоре народ стал изнемогать от голода и жажды. И тогда Ольга направила на другой берег Днепра, где находился князь Святослав с войском, юношу, который притворился печенегом, разыскивающим свою лошадь. Он умел говорить по-печенежски, так что все печенеги приняли его за своего. Когда же он дошел до реки, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Печенеги кинулись за ним и начали стрелять, но не могли уже ему ничего сделать, ибо он уже был далеко. В результате, хитрость удалась, гонец на глазах у врагов переплыл Днепр и сообщил о нападении князю Святославу, тот подоспел вовремя, и печенеги были разбиты.

Конец жизни своей Ольга провела в молитве и заботе о бедных и больных. Умерла она 11 июля 969 года в Киеве, когда ей было около 80 лет.

Считается, что «во всех делах управления она обнаруживала дальновидность и мудрость». Например, она установила фиксированную норму дани, а для ее сбора устроила так называемые «погосты», где «сидел» боярин с небольшой дружиной. Эти погосты стали опорой княжеской власти на местах. Сама Ольга жила за стенами Вышгорода, что в 16 верстах от Киева, окруженная надежным войском. Две трети собранной дани она отдавала в распоряжение киевского веча, третья часть шла «на Вышгород». А еще она установила первые государственные границы Киевской Руси, и богатырские заставы, воспетые потом в былинах, надежно охраняли киевлян от нападений врагов. Прошли годы, и заслуги Ольги затмили

ее языческую жестокость, а русская православная церковь за то, что она стала первой княгиней-христианкой, в 1547 году причислила ее к лику святых и назвала Равноапостольной, то есть равной апостолам, спутникам самого Иисуса Христа.

Глава 3
От Святослава до Ярослава Мудрого

Святослав, сын Ольги, был убит печенегами в 972 году, а их князь Курей сделал себе из его черепа чашу, покрыв ее золотом. Завершил же начатое Ольгой дело, крестив Русь, ее внук Владимир Святославич.

Но прежде чем рассказать о князе Владимире, отметим, что Святослав, уезжая в последний раз на войну с Болгарским царством, разделил свое государство на три части: старшему сыну Ярополку он отдал Киев, Олегу – область древлянскую, а младшему Владимиру – Новгород. И от этого разделения предки наши сделались очень несчастливы: вместо одного правителя у них их стало три, да в одно и то же время.

Как известно, там, где распоряжается не один, а много начальников, дела всегда идут неважно.

Почему?

Да потому, что несколько начальников не могут иметь одинаковый нрав, и они часто ссорятся. А от этого и их подчиненные не могут жить в дружбе. Не верите? Спросите у своих родителей, они подтвердят.

Конечно, Святослав приказал двум младшим сыновьям уважать и слушаться старшего брата Ярополка, но они плохо исполняли наказ отца, и от того все очень страдали.

Прежде всего, поссорились Ярополк и Олег. Последний, услышав, что брат идет на него, также собрал своих воинов, но Ярополк ударил по ним и заставил бежать. В этой суматохе все столпились на мосту у древлянского города Овруча, где жил Олег, и нечаянно столкнули своего князя в глубокий ров. За ним туда упало еще множество людей и лошадей, и несчастного раздавили насмерть.

Ярополк, заняв город, присоединил древлянский удел к своим владениям. После этого Владимир испугался и бежал из Новгорода «за море», а Ярополк Святославич стал правителем всего Древнерусского государства.

Владимир бежал к варягам, в ту землю, откуда приехал прадед его Рюрик, и Ярополк скоро забыл про убежавшего брата. Но Владимир не просто так жил у варягов. Через два года он набрал там сильное войско и пришел в свой Новгород, выгнал оттуда людей Ярополка и послал их сказать брату, что он собирается наказать его за смерть Олега. Между тем, он знал, что у Ярополка была прекрасная невеста, дочь князя Полоцкого. Ее звали Рогнеда, и она была так хороша, что Владимир не захотел уступить ее брату и стал свататься сам. Однако Рогнеда уже обещала выйти замуж за Ярополка, и она отказала Владимиру. А тот оказался так недоволен подобным ответом, что пришел с войском в Полоцк, убил ее отца и двух братьев и насильно женился на несчастной Рогнеде.

Вскоре после свадьбы Владимир пошел на Киев. Ярополк не посмел выйти навстречу брату и закрылся в городе. А потом воевода Блуд, прельщенный дарами Владимира, посоветовал Ярополку уйти из Киева и укрыться в укрепленном городе Родне на реке Рось. И только тот это сделал, как Владимир вошел в Киев и окружил Родню. И тогда тот же воевода Блуд начал уговаривать Ярополка помириться с братом и отправиться к нему для этого в Киев. Ярополк опять послушался чужих советов и поехал вместе с Блудом в Киев, но только они вошли к Владимиру, как два варяга бросились на Ярополка и «подняли его мечами под пазухи».

Произошло это 11 июня 978 года. А потом, утвердившись на киевском престоле, Владимир решил, что его наемникам теперь можно и не платить. И он выгнал их, и, разумеется,

подобный поступок князя не красит. Но, с другой стороны, он сам был потомком варягов и, наверное, хорошо знал, как следует обращаться с такой публикой.

* * *

А в 988 году Владимир Святославич принял христианство «по закону греческому», а также провел Крещение Руси, то есть сделал христианство государственной религией Древнерусского государства (некоторые исследователи полагают, что «крещение» состоялось позже: в 989, в 990 или в 991 году).

И чего это он вдруг?

Просто в 988 году князь Владимир захватил Корсунь (Херсонес, что в Крыму) и потребовал в жены Анну, сестру византийских императоров Василия II и Константина VIII, угрожая в противном случае пойти на Константинополь. Императоры согласились, потребовав, в свою очередь, крещения князя, чтобы сестра могла выйти за единоверца. Получив согласие Владимира, византийцы прислали в Корсунь Анну со священниками. Владимир вместе со своей дружиной прошел обряд крещения, а после этого совершил церемонию бракосочетания.

Нет, конечно, можно сказать и так: у Владимира вдруг раскрылись глаза, и он «увидел храм Божий, где раздавалось святое пение, и он упал на колени, чтобы благодарить Бога милосердого и всемогущего».

А можно и так: «О! Как сильно он чувствовал тогда, что молился Богу истинному, а не прежним идолам своим! И бояре, и дружина его, удивляясь такому чуду, также крестились в веру Христианскую».

Но, похоже, Владимиру просто была нужна Анна Византийская, но она воспротивилась отдать себя тому, кто расходится с нею в вере, а он был готов ради вспыхнувшей в нем любви на все.

Потом они уже вместе вернулись в Киев, где Владимир сразу же повелел опрокинуть языческие идолы. То есть, по сути, тогда Владимир произвел своеобразную «духовную революцию» сверху. Он ввел христианство, установив обязательное отчисление десятой части полюдья (сбора дани) в пользу православной церкви.

Он велел жечь и рубить всех идолов, а главного из них, Перуна, бросил в реку. Потом он приказал всем киевлянам явиться на другой день на берег Днепра. И тогда священники освятили Днепр и начали массовое крещение народа. Для этого взрослые люди вошли в воду, маленькие дети были на руках отцов и матерей, а на берегу стояли Великий князь, его жена, бояре и воины. И в эту торжественную минуту Владимир поднял руки к небу и сказал:

Творец неба и земли! Благослови сих новых детей твоих! Дай им познать тебя, Бога истинного, и утверди веру их!

В крещении Владимир принял имя Василий, в честь правящего византийского императора Василия II – согласно практике политических крещений того времени.

Отметим, что в Киеве крещение народа прошло сравнительно мирно, а вот в Новгороде, где процессом руководил воевода Добрыня (брат матери Владимира), оно сопровождалось восстаниями народа и подавлением их силой оружия. Кстати, в Ростовско-Суздальской земле, где местные славянские и финно-угорские племена сохраняли в силу отдаленности определенную автономию, христиане оставались меньшинством и после Владимира. А, например, у вятичей, покоренных Владимиром в 981–982 гг., язычество господствовало вплоть до XIII века.

А еще Владимир отметился тем, что покорил балто-литовское племя ятвягов и установил контроль над Судовией, что открыло путь к Балтике. Плюс он окончательно покорил

радимичей, воевал против волжских булгар, обложил данью Хазарию (государство кочевников-хазар).

При этом он прославился добрыми делами. Он заботился о просвещении своих подданных, заводил для них училища, строил церкви. Он соблюдал интересы бедных: на княжеском дворе его они могли в любое время получать пищу и деньги, больным же, которые не могли выходить из своих домов, Владимир приказывал развозить хлеб, рыбу, мед и даже квас в бочках.

А еще, что удивительно, Владимир, который до крещения был известен как великий распутник и состоял в нескольких языческих браках, после крещения имел лишь два последовательных христианских брака – с византийской царевной Анной и, после ее смерти в 1011 году, с женщиной, имя которой до нас не дошло. Всего у него было тринадцать сыновей и не менее десяти дочерей.

Вот и получается, что Владимир всего через десять лет после убийства брата Ярополка окрестил Русь и стал Владимиром Святым.

И, может быть, Господь простил ему за это все его грехи…

Как написано в одной из летописей, «был невежда, а под конец обрел вечное спасение».

Умер Владимир Святославич 15 июля 1015 года, а совсем недавно в честь тысячелетия со дня его кончины в центре Москвы ему соорудили 17-метровый памятник.

* * *

Следующим большим шагом к созданию мощного государства стала замена Владимиром местных племенных князей своими собственными сыновьями, призванными защищать новую веру и укреплять киевскую власть на местах. В результате Русская земля превратилась во владение Рюриковичей.

Старший сын Владимира Вышеслав, князь новгородский, умер еще до смерти отца. А вот его второй сын, Святополк, прозванный потом Окаянным, оказался ближе других братьев к Киеву и без особых проблем вступил на престол. Потом, в течение одного года, были убиты три единокровных брата Святополка – Борис, Глеб и Святослав.

И началась борьба за власть между Святополком, сыном крестителя Руси от бывшей греческой монахини Предиславы, захваченной в плен его отцом, и Ярославом, сыном от княжны Рогнеды.

В 1016 году Ярослав пошел в атаку, воспользовавшись моментом, когда Святополк пировал со своей дружиной. Войска киевского князя были разбиты и сброшены в озеро. Ярослав захватил Киев. А разбитый Святополк бежал в Польшу, где обратился за помощью к тестю, князю Болеславу I Храброму. В 1018 году во главе польских войск Святополк и Болеслав двинулись в поход на Киев. Противники встретились на Буге, где польская армия под командованием Болеслава разбила новгородцев.

После этого Ярослав снова бежал в Новгород, а Святополк снова занял Киев.

Меньше чем через год лишившийся военной поддержки Святополк вынужден был в очередной раз бежать из Киева от вернувшегося с варягами Ярослава. Но он призвал на помощь других союзников, печенегов, надеясь с их помощью вернуть себе власть. В решающей битве на реке Альте Святополк потерпел сокрушительное поражение. Он бежал к печенегам, и дальнейшая его судьба точно не известна (по одной из версий, братоубийца был наказан параличом и безумием).

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Братоубийство в те времена было вполне обыденным явлением. Обычным делом оно было и в семейной хронике Рюриковичей. Из

тринадцати сыновей Владимира немногие умерли своей смертью. Ярослав Мудрый, один из них, говорил перед смертью своим детям: «Любите друг друга, потому что вы братья родные, от одного отца и одной матери».

А Ярослав Владимирович, ставший Великим князем Киевским, вошел в историю как Ярослав Мудрый (следует заметить, однако, что при жизни его так никто не называл). Он правил до 20 февраля 1054 года и прославился тем, что при нем был составлен первый известный свод законов древнерусского права – «Русская правда».

Буквально в первой же статье «Русской правды» говорилось о праве кровной мести за убийство свободного «мужа». С одной стороны, эта норма свидетельствовала о сохранении признаков родо-племенных отношений, но с другой – ограничение круга родственников, имеющих право мстить, и введение штрафа за убийство в 40 гривен свидетельствовали об их постепенном распаде и усилении центральной власти.

И не зря Ярослава прозвали потом Мудрым. Он был выдающимся государственным деятелем, он был грамотен и набожен, он собрал немалую библиотеку, да плюс еще дочерей замуж за королей выдал, а сыновей на принцессах женил. Таким образом, он установил дружественные отношения со многими королевскими домами Европы.

ИНТЕРЕСНЫЙ ФАКТ

Ярослав Мудрый был известен как основатель городов. Им были основаны Юрьев (ныне это Тарту в Эстонии), Юрьев Русский (ныне это Белая Церковь на Украине) и другие города. И, конечно же, он основал Ярославль, построенный на реке Волге.

Отметим, что у Ярослава Мудрого были две жены: первая была предположительно норвежка по имени Анна, а вторая – Ингегерда (в крещении Ирина), дочь короля Швеции Олафа Шётконунга.

А вот своего сына Изяслава (в крещении Димитрия) он женил на Гертруде, сестре польского короля Казимира I. Сын Святослав (в крещении Николай) был женат дважды, в том числе на австрийской принцессе Оде, дочери графа Леопольда Штаденского. Сын Всеволод (в крещении Андрей) женился на греческой царевне, дочери византийского императора Константина IX Мономаха (от брака с ней родился князь Владимир Мономах).

Дочь Елизавету Ярослав Мудрый выдал замуж за норвежского короля Харальда Сурового, дочь Анастасия стала женой короля Венгрии Андраша I Католика, а дочь Анна вышла замуж за короля Франции Генриха I из династии Капетингов.

Глава 4
Королева Анна Ярославна

Что-то я загрузил вас разными именами, но зато вы теперь можете похвастаться, что знаете, как Ярослав Мудрый развивал дипломатию и внешнюю политику через династические браки.

Реально очень мудрый был человек!

А вот история его дочери Анны.

Она родилась в 1024 году (по некоторым версиям – в 1025 году, по другим – в 1032 году) в Новгороде. Появилась она на свет как раз в то время, когда Ярослав, опасаясь своего младшего брата Мстислава Храброго, скрывался за крепкими стенами этого города. Именно в год рождения Анны Мстислав начал войну с Ярославом, в результате чего тот уступил ему Чернигов и все левобережье Днепра.

Однако потом был подписан братский мир, после чего стало ясно, что Мстислав вовсе не добивается единоличной власти. А в 1036 году он погиб на охоте. До его смерти резиденцией Ярослава по-прежнему был Новгород, в Киеве же управление осуществлялось его боярами. После смерти брата Ярослав перебрался со всей семьей и дружиной на берег Днепра.

А до этого, как уже говорилось, Ярослав разбил другого своего брата, Святополка Окаянного, и вынудил его бежать к печенегам.

Таким образом, почти все древнерусские земли оказались под единым управлением.

* * *

Анне было мало лет, и она едва помнила новгородские бревенчатые мостовые, шум на торговой площади, оживление на пристани и утренний звон златоглавых новгородских церквей.

Детские годы Анны прошли в Вышгороде, в 16 верстах от Киева, вниз по Днепру, среди прекрасных дубовых рощ, или в Берестово, загородной резиденции киевских князей, где ее отец построил храм Святых Апостолов.

КСТАТИ
Меры длины на Руси были вот такими:
Верста = 500 саженям = 1,0668 км
Сажень = 3 аршинам = 7 футам = 2,1336 м
Аршин = 16 вершкам = 28 дюймам = 71,12 см

Там она училась вместе со своими старшими братьями, Святославом и Всеволодом, у священника Иллариона.

Когда Анна подросла, братья стали брать ее с собой на охоту, и она научилась ездить верхом, стала ловкой наездницей, полюбила коней и охотничьих соколов.

Анне было 12 лет, когда к Киеву подступили печенеги, и это событие врезалось ей в память. Особенно ей запомнилось, как горожане переругивались на стенах с врагами и грозили им секирами, а те в ответ стреляли в русских, и стрелы летели тучами, но по большей части втыкались в бревенчатые частоколы без всякого вреда для осажденных.

А потом ее отец одолел печенегов и этим освободил Русь от их набегов. В память об этой победе в Киеве был заложен знаменитый собор Святой Софии, для росписи которого были вызваны художники из самого Константинополя.

Получив в детстве хорошее образование, Анна знала греческий и латынь, владела азами врачевания. Знала она и еще много чего другого, и это было неудивительно, ибо, как говорится в «Повести временных лет», ее отец Ярослав «книги любил, читая их часто и ночью и днем». От отца Анна знала, что «велика бывает польза от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь – реки, напояющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся». В результате, с раннего детства она сама много читала, понимая, что тот, «кто часто читает книги, тот беседует с Богом» и «обретает душе великую пользу».

Это, кстати, и сейчас очень актуально.

Как говорил А.С.Пушкин, «чтение – вот лучшее учение!» И чтение – это разговор с самыми лучшими людьми прошедших времен, да притом такой разговор, когда они сообщают нам только лучшие свои мысли (это уже слова ученого XVII века Рене Декарта). И люди перестают мыслить, когда перестают читать (а это философ XVIII века Дени Дидро).

От себя добавлю: книга – друг человека, но только друзей надо уметь выбирать.

* * *

Прижизненных изображений Анны не сохранилось, если не считать очень плохого качества фресок. Однако, по свидетельству французских хроник, «золотоволосая» дочь могущественного киевского правителя славилась красотой. И действительно, молва о ней дошла до французского короля Генриха I, и в 1044 году он послал первое свадебное посольство в далекую Русь.

Вот что пишет об этом Франсуа де Мезере, автор вышедшей в середине XVII века в Париже трехтомной «Истории Франции»:

«Генрих I не имел ни детей, ни жены. Он, понимая собственный немолодой возраст, разделял озабоченность своего Совета, который требовал от него наследника для королевства. До него дошли слухи о прелестях княжны, достойной завоевать сердце великого монарха. То была Анна, дочь Ярослава, прозванного Мудрым, князя Руси, называемой нашими современниками Московией. Воодушевившись от одного рассказа о ее совершенствах, он послал в 1044 году епископа де Мо с большим помпезным посольством, предлагая свою руку».

Но посол этот получил отказ.

Вы спросите – почему?

Не знаю. Возможно, в то время Ярослав Мудрый надеялся с помощью аналогичного брачного союза закрепить отношения с более близкими к его границам странами. Говорят, например, что он собирался выдать дочь за германского императора, однако немцы от такого союза отказались.

Как говорится, «мы выбираем, нас выбирают, как это часто не совпадает»…

С другой стороны, в ту пору Древняя Русь находилась на одном уровне развития с соседними европейскими странами и играла заметную роль в формировании облика средневековой Европы.

А вот что представляла собой тогда нынешняя Франция?

Скопище феодальных владений, в которых самодержавными властителями сидели местные герцоги, бароны и графы.

Непосредственными же владениями короля, власть которого была во многом номинальна, была лишь узкая территория, тянувшаяся к северу и югу от Парижа. Ее можно было бы разглядеть на карте только под сильным микроскопом, а их тогда еще не существовало.

Поэтому нежелание Ярослава Мудрого отдавать свою дочь за Бог знает кого было вполне объяснимо.

Тем не менее, бездетному Генриху I был необходим наследник. Зная о красоте русской княжны, в 1048 году он послал новых послов для новых переговоров.

* * *

Упорный был товарищ, этот Генрих из династии Капетингов!

Сын короля Роберта II и Констанции Арльской, он родился в 1008 году и правил у себя в стране, начиная с 20-летнего возраста.

Когда Генрих I стал королем, Бургундия была отдана его младшему брату, который стал родоначальником особого герцогского рода.

Первоначально, в 1034 году, Генрих был обручен с Матильдой, дочерью императора Священной Римской империи Конрада II, но брак не состоялся из-за преждевременной смерти невесты, которая даже не успела познакомиться со своим нареченным.

В 1043 году Генрих женился на другой Матильде, дочери маркграфа Фризии и племяннице императора Германии Генриха III, однако через год она скончалась в результате неудачных родов.

Таким образом, к моменту отправки второго посольства в далекий Киев, 37-летний Генрих был вдов и бездетен. «Неужели, – без тени иронии думал король, – мне так никогда и не повезет». Подобное положение его сильно тяготило: он хотел найти законную супругу, способную стать королевой Франции, а его осчастливить наследниками.

Послам было поручено любой ценой получить согласие на брак именно с Анной, ибо, как мы уже говорили, до Франции «дошла слава о прелестях принцессы, дочери Ярослава». Король велел передать, что он «очарован рассказом о ее совершенствах».

Мысль обратиться в поисках невесты к далекому Великому князю Киевскому пришла Генриху практически сразу. К тому же, наведя справки, он узнал, что женой Ярослава была дочь короля Швеции Олафа, и сам он уже выдал одну дочь за норвежского короля Харальда Смелого, а другую – за венгерского короля Андрея. Кроме того, Генриха уверяли, что у Киевского правителя сундуки набиты золотыми монетами, и это обстоятельство еще более усилило его влечение к далекой русской красавице.

* * *

Несмотря на непредвиденные задержки в пути и огромные расстояния от Парижа до русских границ, послы короля Франции благополучно прибыли в Киев. Посольство возглавлял епископ Шалонский Роже, сын графа Намюрского.

Ценя его дипломатические способности, король Генрих неоднократно посылал Роже с ответственными поручениями в Нормандию и даже к императору Священной Римской империи Конраду II. Теперь, когда король вновь решил жениться, он не мог найти лучшего посредника в таком деле, чем епископ из Шалона.

Вторым послом ехал Готье Савейер, епископ города Мо, человек совершенно другого склада, малопригодный для хозяйственных дел, но весьма ученый муж, прозванный за свою начитанность Всезнайкой (впоследствии он станет учителем и духовником Анны).

Сопровождавший посольство сеньор Жослен де Шони, получивший повеление защищать епископов от разбойных нападений на глухих дорогах, был рыцарем до мозга костей: он отлично владел мечом, метко стрелял из арбалета и считался самым неутомимым охотником в королевских владениях.

Послов сопровождали еще несколько славных рыцарей, а также масса оруженосцев и конюхов. А замедляли передвижение посольства тяжелые повозки с дарами, посланными Генрихом отцу своей будущей жены: в подарок князю Ярославу предназначались великолепные боевые мечи, заморские ткани, чаши из драгоценных металлов…

* * *

Две дочери Ярослава Мудрого уже были выданы за иноземцев: Елизавета – за норвежского короля, а Анастасия – за венгерского. Эти браки, как считал их отец, укрепляли дружбу и мир.

И теперь вот приехали послы, чтобы увезти его третью дочь во владения французского короля. Великому князю приходилось подумать о многом: какие выгоды можно было бы извлечь из такого брачного союза, и не даст ли новое родство возможность завязать отношения с далеким Римом, чтобы при случае оказывать давление на заносчивый Константинополь?

Как тут было поступить?

Удивительно, но меньше всего князь Ярослав думал в этот момент о том, чтобы спросить мнение дочери или хотя бы уведомить ее о происходящем. С другой стороны, а разве не говорили мудрецы, что снисходительные отцы делают детей неблагодарными, а участь всякой девицы – подчиняться родительской воле и жить в послушании…

Анне просто сказали:

– Послы приехали из далекого франкского королевства. Это сваты. Радуйся, ты будешь королевой…

* * *

Перед тем как принять послов, Ярослав Мудрый позвал на совещание первого митрополита Русской церкви Феопемта, назначенного на этот пост Константинопольским патриархом.

Чтобы было понятно, митрополит, грек по происхождению, был недоволен приездом франкского посольства и укорял Ярослава за его стремление выдавать дочерей замуж за латинян. А Ярослав не питал большой нежности к Константинопольским владыкам и только ждал удобного случая, чтобы избавиться от Феопемта.

На совещании митрополит Феопемт имел неосторожность в очередной раз напомнить Ярославу, что он должен чтить императора Византии, как своего духовного отца.

– Император Константин Мономах будет недоволен подобным браком…

Не успел Феопемт закончить эту фразу, как русский князь резко ответил:

– Пусть Византийский император не вмешивается в мои дела, как и я не вмешиваюсь в его.

* * *

Так или примерно так согласие Ярослава Мудрого на брак княжны Анны Ярославны с французским королем было получено, и 4 августа 1049 года она, расставшись в слезах и в причитаниях с матерью, отцом и братьями, навеки покинула Русскую землю.

Дальний путь Анны к будущему мужу лежал через Польшу. Ярославу хотелось, чтобы она навестила по дороге тетку Марию-Добронегу (сестру Ярослава), муж которой, польский

король Казимир, хорошо знал семью Генриха. Казимир некогда жил в Париже и неплохо говорил по-французски. Он мог дать Анне много полезных советов.

А еще в Эстергоме королевой была сестра Анны Анастасия, светлоглазая, простодушная толстушка, тем не менее пленившая сердце короля Андрея, когда он еще молодым принцем приезжал в Киев в поисках убежища во время угорских неурядиц и запомнился киевлянам своими многочисленными пуговицами; ее тоже очень хотелось навестить на чужбине.

Поэтому путь для Анны избрали следующий: Гнезно, Краков, Прага и от этого города поворот в сторону, на Эстергом. Отсюда до самого Регенсбурга следовало плыть по Дунаю в ладье, а затем, через Вормс и Майнц, уже лежала прямая сухопутная дорога на Париж.

* * *

За свою сестру Марию-Добронегу Ярослав дал королю Польши Казимиру большое приданое, а тот в ответ возвратил восемьсот пленных россиян. Добрые отношения с Польшей закрепила и женитьба брата Анны Изяслава (в крещении Димитрия) на сестре Казимира, польской княжне Гертруде.

Принял король Казимир свою родственницу из Киева очень хорошо и с радостью принялся рассказывать ей о Франции:

– Генриха я знал еще юношей, видел его иногда во дворце. Полагаю, из него получился теперь мужественный рыцарь. Помню, что он с удовольствием говорил о конях и оружии. По-видимому, король сведущ в воинских делах. Мне сообщали, что он особенно настойчив в осаде городов, и за это его прозвали градоразрушителем. Но к книжному искусству Генрих относится с полным равнодушием, не в пример своему покойному отцу, который непрестанно читал латинскую Библию.

– Епископы говорили, что отца его звали Роберт и что это был святой человек, – вздохнула Анна.

Ее весьма волновали рассказы о той семье, в которой ей теперь надлежало жить.

– Все считали его святым. Это действительно был благочестивый и добрый человек. И король, каких мало на земле. Но он думал и о земном, построил в Париже каменный дворец. Ты будешь жить в нем, когда станешь королевой.

– Тебе приходилось там бывать?

– В Париже?

– Во дворце.

– Много раз. Он огромен. Дворец стоит у самой Сены, и вода совсем близко протекает под его башнями из красивого белого камня. Впрочем, ты сама скоро все увидишь.

* * *

Генрих, действительно, не обладал большими способностями или прилежанием в изучении наук, не считался сведущим в богословии или музыке, как его образованный отец, король Роберт, но слыл деятельным человеком, готовым трудиться день и ночь.

Невеселая и мало чем примечательная юность Генриха прошла во время кровавой гражданской войны, осветившей заревом пожаров небеса Иль-де-Франса. Так называлась королевская область, расположенная по обоим берегам Сены, покрытая лесами и пересеченная вечно разбитыми дорогами. Капетинги только по титулу были королями Франции, поэтому всячески стремились расширить границы своих владений. Однако повсюду у них на пути возникали серые громадины замков их вассалов, уже превратившиеся в те времена из бревенчатых в каменные. Генрих в ответ тоже строил крепости, если, конечно, находил на это средства, и вскоре его земли также покрылись этими мрачными сооружениями.

Поверьте мне, в те суровые времена правителям было не до красот пейзажей. Того же Генриха короновали еще при жизни отца, однако корона едва держалась на его голове.

* * *

Анна прибыла к городу Реймсу 14 мая 1049 года. Король Генрих, потеряв всякое терпение и не желая больше ждать ни единого часа, выехал в сопровождении свиты ей навстречу.

В свои сорок с небольшим лет он был тучным и всегда хмурым. Сейчас же ему и подавно было от чего хмуриться: он ожидал Анну с большим волнением и некоторым беспокойством, раз за разом задавая себе один и тот же вопрос – правильно ли он сделал, пойдя на заочную помолвку, и не придется ли ему до конца своих дней сожалеть о неосторожно сделанном шаге.

Но, как только он увидел дочь Ярослава Мудрого, его опасения рассеялись. Она была так хороша собой, что король сразу влюбился в нее.

Анна же, напротив, была огорчена: она представляла своего жениха совсем другим, более красивым и молодым. Неужели это и есть тот самый человек, с которым ей суждено разделить жизнь до гробовой доски?

Генрих молчал, не зная, что сказать.

Да и на каком языке это было делать?

К чести высокообразованной русской княжны, она свободно владела латынью, поэтому и французский начала понимать достаточно быстро.

– Утомилась в пути? – спросил Генрих.

Смертельно уставшая Анна, сама не зная почему, отрицательно покачала головой.

– Все хорошо? Твои отец и мать здоровы? – снова спросил Генрих.

Анна отвечала односложно, но приветливо. Сказав еще несколько фраз, смысл которых Анна не очень поняла, король вдруг круто повернул коня и ускакал со своими рыцарями, оставив за собой облако пыли.

* * *

Весть о том, что к королю приехала невеста из далеких краев, быстро распространилась из селения в селение. Со всех сторон на дорогу стекались люди. Анна ехала в гуле приветствий, и местные женщины что-то кричали будущей королеве, удивляясь ее странному наряду, подобного которому они еще никогда не видели. Народ радовался приезду Анны, словно надеялся, что теперь трудная жизнь станет легче, а урожаи обильнее.

В Реймсе должна была состояться брачная церемония и коронация Анны. Еще ни одна французская королева не удостаивалась подобной чести, однако Генрих считал, что такой обряд только упрочит права его будущего наследника. Но уже с первых дней пребывания Анны во Франции ему пришлось столкнуться с ее упрямым характером. Так, например, она решительно отказалась присягать, положив руку на латинскую Библию, и заявила, что клятву принесет только на славянском Евангелии, которое она привезла с собой. Очарованный ее прелестями, Генрих вынужден был уступить, несмотря на ворчание епископов.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Слово «евангелие» обозначает «благовестие». Тексты Евангелия описывают жизнь Иисуса Христа на земле, его деяния и учение, его распятие и воскресение. Евангелие является составной частью Библии, относится к текстам Нового Завета. При этом Библия повествует еще и о сотворении мира, а также о том, как люди жили раньше, до пришествия Христа.

Кстати сказать, в Париже и поныне хранится брачное свидетельство, подписанное Анной. Кроме того, там же находится и привезенное ею из Киева Евангелие, которым ее благословил перед отъездом отец. Евангелие это написано на церковнославянском языке.

ИНТЕРЕСНЫЙ ФАКТ

Многие французские короли при помазании давали потом обет Богу на Евангелии, привезенном Анной. А так как славянская азбука им была совсем незнакома, они принимали ее за какой-то неведомый магический язык. 22 июля 1717 года, когда император Петр Великий посетил Реймс, ему показали это Евангелие и пояснили, что никто из людей не знает этого «волшебного языка». Каково же было удивление французов, когда Петр начал бегло читать его вслух!

Позже, под влиянием обстоятельств, Анна примет католичество, и в этом дочь Ярослава проявит мудрость – и как французская королева, и как мать будущего короля Франции. А пока же на ее голову была возложена золотая корона, и она стала королевой Франции.

Бракосочетание происходило 19 мая 1051 года в аббатстве Святого Ремигия, а церемония коронации – в церкви Святого Креста, той самой, на месте которой сейчас находится знаменитый Реймсский собор.

Анне казалось, что все, что с ней происходит, ей лишь снится. От латинских, не очень благозвучных, но громких гимнов, от непривычно тягучей музыки органа, от благовонного фимиама у нее закружилась голова. Почувствовав на голове тяжесть золотой французской короны, она чуть было не заплакала: новоявленной королеве страстно захотелось снискать любовь всех этих людей, взиравших на нее, как на высшее существо в мироздании.

По окончании коронации в архиепископском дворце устроили пышный пир.

* * *

Париж Анна не сочла красивым городом. Королевский дворец напоминал своими мощными стенами и скупо прорезанными окнами крепость. Девушке, привыкшей к красотам стольного града Киева, в котором в те времена насчитывалось более четырехсот церквей, образованным собеседникам и огромным размерам страны, все это было как-то странно. Право же, Париж начала XI века по сравнению с Киевом выглядел провинциальным городишком.

«В какую варварскую страну ты меня послал, – писала она отцу. – Здесь жилища мрачны, церкви безобразны, а нравы ужасны». Однако ей было суждено стать королевой именно этой страны, где даже королевские придворные были почти поголовно неграмотными.

Жизнь Анны в Париже текла вяло, однообразно и казалась совсем беспросветной. Удивительно, но она почти никогда не оставалась наедине с мужем. За столом, во время поездок по королевским владениям, на охоте, в Королевском совете, в котором королева принимала участие наравне с Генрихом, – всегда и в любой час рядом находились чужие люди. Даже в королевской спальне то и дело появлялись то сенешаль (так назывался высший придворный чиновник, заведовавший внутренним распорядком), то гонец с каким-нибудь срочным донесением, то старый псарь с известием о болезни любимой собаки короля.

Перед тем, как лечь в супружескую постель, Генрих обычно сидел перед зажженным камином и, мешая железной кочергой уголья, рассказывал королеве о своих проблемах, и мало-помалу Анна стала жалеть этого человека, которого враги теснили со всех сторон, как волки одинокого пса у овчарни.

Проблем у Генриха, действительно, была масса. Ему постоянно приходилось обнажать меч против своих заносчивых вассалов, и вся его жизнь проходила в бесконечных походах и осадах. Он был храбрым воином и неутомимым солдатом, но успех сопутствовал ему далеко не всегда. Королевская власть при нем ослабла, причем особенно жестокие удары ему нанес герцог Нормандский Вильгельм (будущий Вильгельм Завоеватель, король Англии), дважды разгромивший его. Не давал расслабиться и правивший в Бургундии завистливый младший брат Роберт.

Военные действия обычно велись весной и летом, так как в остальное время года дороги во Франции находились в таком состоянии, что передвигаться по ним было невозможно.

Молодая королева Анна Ярославна сразу же показала себя дальновидным и энергичным государственным деятелем.

На французских документах той поры, наряду с подписями ее мужа, встречаются и славянские буквы: «Ана Ръина» (то есть Anna Regina или «королева Анна»). папа Римский Николай II, удивленный замечательными политическими способностями Анны, написал ей в письме:

«Слух о ваших добродетелях, восхитительная девушка, дошел до наших ушей, и с великою радостью слышим мы, что вы выполняете в этом очень христианском государстве свои королевские обязанности с похвальным рвением и замечательным умом».

Очень скоро Анна, по сути, стала соправительницей мужа. Об этом говорят документы, в частности, государственные акты и грамоты, дарующие льготы или жалующие вотчины монастырям и церквям, на которых можно прочитать: «С согласия супруги моей Анны» или «В присутствии королевы Анны».

* * *

По словам Франсуа де Мезере, автора трехтомной «Истории Франции», «все надеялись, что этот брак будет более счастливым, чем брак с первой женой короля – Матильдой. Однако надежды добрых французов оправдались не сразу: прошло несколько лет, а детей все не было. Франция, прождав так долго счастья, уже начала терять надежду. Король был от этого в большом огорчении, а Анна, огорченная еще более, чем он, безутешно скорбела. Перепробовав все существующие лекарства, она обратила свои молитвы к небу, уповая на Святого Венсента – заступника французов».

В 1053 году, наконец, случилось то, к чему предназначила женщину природа, и Анна, к великой радости короля, родила ему здорового наследника.

Когда епископы Роже и Готье, в течение многих лет бывшие советниками Генриха, пришли к нему и спросили, как он желает назвать сына, король, едва сдерживая наполнявшую его сердце радость, ответил:

– Пусть назовут моего наследника, как угодно, лишь бы французская корона прочно держалась у него на голове!

Епископы направились к Анне:

– Король прислал нас узнать, как ты хочешь назвать новорожденного?

Счастливая королева тихо сказала:

– Хочу, чтобы его нарекли Филиппом!

Епископы переглянулись.

– Но почему ты пожелала дать сыну такое имя? – переспросил королеву изумленный Роже. – Ни один французский король пока не звался так. Разве не более достойно было бы

назвать его, скажем, Робертом, в память о благочестивом отце нашего короля? Или в честь славного предка дать ему имя Гуго?

Но Анна оставалась непреклонной. Она ответила:

– Робертом я назову второго сына.

* * *

Текли годы, и для Анны и короля Генриха они были полны событий. После Филиппа (в 1054 году) у королевской четы родился еще один сын, которого, как и планировалось, назвали Робертом, еще год спустя – дочь Эмма, а еще через два года – третий сын, которому дали имя Гуго.

Генрих благодарил небеса, что не ошибся в плодовитости королевы, и постоянно восхвалял ее разум и рассудительность.

К сожалению, Роберт умрет, не достигнув и десятилетия, зато Гуго станет знаменитым Гуго Великим, основателем второго дома Вермандуа, одним из вождей Первого крестового похода.

Для закрепления короны за своим потомством Генрих решил, по примеру отца, короновать своего первенца Филиппа заблаговременно.

Коронация эта состоялась в Реймсе 29 мая 1059 года. Для Анны церемония превратилась в событие, полное волнений. Совершал церемонию архиепископ Реймсский Жерве, в присутствии двух папских легатов – епископов Гуго Безансонского и Эрманфруа Сионского.

Хотя Филиппу едва исполнилось семь лет, Генрих пожелал, чтобы древний обряд совершили полностью. Король опасался всего; ведь в противном случае враги могли оспаривать в будущем священные права Филиппа на престол, сославшись на какое-нибудь упущение.

Церемония получилась длительная и скучная, все ее участники страшно устали, но многие не без удовольствия наблюдали за поведением маленького Филиппа в этом своего рода театральном действе. Еще бы, зрителем подобных представлений приходилось быть не всякий день. Однако маленький Филипп держался превосходно и ни разу не дал повода усомниться в том, что он – достойный сын достойного короля.

* * *

А потом Генрих потерпел поражение в войне с герцогом Вильгельмом Нормандским. Он вернулся домой печальным и тут же принялся готовиться к новой войне с человеком, вошедшим в Историю под именем Вильгельм Завоеватель. И вдруг, в самый разгар этих приготовлений, король Генрих I скончался. Это печальное событие произошло 4 августа 1060 года в замке Витри-о-Лож, недалеко от Орлеана.

Надо сказать, что король уже давно чувствовал недомогание, хотя ни у кого вокруг не было причин думать о близкой развязке. Не думал об этом и сам 52-летний король. Во всяком случае, он не счел нужным вызвать супругу из Парижа даже в тот день, когда не мог уже встать с постели.

Его похоронили в аббатстве Сен-Дени, находившемся много лет в личном владении королевской семьи.

* * *

После смерти мужа Анна с сыновьями поселилась в Санлисе, небольшом замке в 40 километрах от Парижа.

Летописец писал, что Анна любила Санлис «как за чудесный вдыхаемый воздух, так и за приятные увеселения охоты, единственно от которой она получала удовольствие».

Здесь ею был основан и женский монастырь, и церковь Святого Венсента (на портике последней при реконструкции в XVII веке было воздвигнуто лепное изображение русской княжны в полный рост с моделью воздвигнутого ею храма в руке и надписью: «Анна Русская, королева Франции, воздвигла этот собор в 1060 году»).

Вскоре у вдовствующей королевы появились и другие заботы. Несмотря на скорбь по умершему супругу, Анна устраивала в Санлисе светские приемы, которые привлекали много народа. Вельможи из близлежащих замков частенько наведывались к ней на поклон и, как нам сообщает виконт де Кэ из Сент#Эймура, «воздавали ей должное не только как королеве, но и как женщине».

Слова «воздавали должное» каждый волен понимать в меру своей собственной фантазии. Никаких четких фактов здесь нет и быть не может. Да, многие гости самозабвенно влюблялись в красавицу Анну, но ответных чувств они вряд ли добивались.

Согласно завещанию Генриха, Анна должна была стать опекуншей своего малолетнего сына Филиппа. Однако Анна – мать короля – осталась королевой и стала регентшей, но опекунство, по обычаю того времени, передала мужчинам, шурину покойного короля графу Бодуэну Фландрскому и Жерве де Беллему, архиепископу Реймсскому.

К счастью для юного короля и его матери, в первые годы регентства никаких волнений в стране не происходило: титул короля Франции действовал на людей, как некое магическое заклинание, и ни один вассал не посмел поднять руку на помазанного Богом мальчика.

Но едва успела Анна оплакать мужа и обдумать создавшееся положение, как все вокруг увидели, что Филипп – вовсе не ребенок, а твердо заявляющий о своих правах король, причем настолько твердо, что королева даже иногда спрашивала себя, неужели это тот самый младенец, что еще совсем недавно так громко плакал, когда она отнимала его от груди.

С юных лет Филипп отличался острым умом, недоверием к людям, презрением к их слабостям и неразборчивостью в средствах для достижения поставленных перед собою целей. Как и у Генриха I, у него было мало воинских способностей, но с самого начала своего правления юный король заставил слушаться себя, и в этом отношении ему помогала мать, так как трудно было избежать сетей ее очарования и не сделать того, чего она хотела.

* * *

Одним из советников Филиппа был Рауль де Крепи, граф де Валуа. Этот человек обладал еще и другими многочисленными титулами – де Вексен, д’Амьен, де Витри, де Перонн и де Мондидье. Из этого следует, что он был одним из самых могущественных вельмож Франции, и, словно подтверждая это, он находил удовольствие, говоря, что ему не страшны ни королевские армии, ни духовники.

По существовавшей тогда традиции вдовствующую королеву вскоре выдали замуж, и взял ее в жены как раз этот самый человек. Он слыл одним из самых непокорных вассалов Генриха I, но тем не менее всегда оставался приближенным к его двору.

Выдали?

Вполне возможно.

Однако существуют и более романтические версии второго замужества Анны Ярославны. Утверждается, например, что граф де Валуа влюбился в Анну с первых дней ее появления во Франции и только после смерти короля осмелился открыть ей свои чувства.

По другой версии, Анна и Рауль начали встречаться еще при жизни Генриха.

В любом случае, Анна никак не могла не видеться с этим красивым и гордым графом на королевских советах или на пирах. Однако лишь после смерти мужа она предстала перед ним как свободная женщина.

А Рауль де Крепи умел ждать, и он дождался своего часа.

* * *

История с их бракосочетанием, имевшим место в 1062 году, наделала много шума. Дело в том, что Рауль де Крепи, граф де Валуа уже был женат, причем во второй раз. Его первой женой была Адель, дочь графа де Бар-сюр-Об, и от этого брака у них родилось шесть детей, в том числе сыновья Готье, Аликс и Симон. Овдовев, граф в 1054 году вновь женился, на этот раз на некоей Алиеноре, никаких сведений о которой не сохранилось. Известно лишь, что эта самая Алиенора тут же пожаловалась Папе римскому Александру II на неблаговидное поведение своего мужа, и тот пообещал приказать Раулю расторгнуть брачный союз с Анной, объявив его недействительным.

По сути, развод графа де Валуа и его брак с Анной действительно были незаконными с точки зрения канонических установлений.

Тайное замужество Анны вызвало большой скандал в королевстве. Знатные вельможи негодовали, говоря, что юные принцы нуждаются в матери, что она их бросила без тени сожаления, устремившись за женатым человеком. Повсюду слышался ропот, и даже шептали, что графа Рауля следовало бы отлучить от церкви…

В течение некоторого времени двое влюбленных не знали о злых слухах, которые ходили о них по всему королевству. Они были безразличны к мнению других, их не интересовало, какую оценку при дворе могло вызвать их поведение.

Наконец, в дело вмешался Жерве де Беллем, архиепископ Реймсский. Встретив както графа в королевском дворце, он попытался уговорить его отпустить Анну и вернуть на супружеское ложе Алиенору, ссылаясь при этом на мнение Папы.

Однако Рауль с присущей ему дерзостью ответил:

– Наплевать мне на его мнение!

А потом он прибавил к этому и другие слова, которые ни один летописец не решился бы внести в свою хронику, настолько они были неуважительны.

Но что можно было поделать с этим отпетым безбожником!

Архиепископ покашлял в кулак и прекратил этот бесполезный и небезопасный разговор.

* * *

В любом случае, обрушившаяся на голову Рауля де Крепи, графа де Валуа анафема ни в малейшей степени не помешала ему продолжать жить с Анной.

Безразличные к окружающей их враждебности, они стали открыто путешествовать по королевству, ни от кого не прячась и не проявляя ни капли смущения или признаков угрызений совести. В конце концов, все смирились, и их брак был признан. К тому же король Франции Филипп счел благоразумным примириться с матерью и ее новым мужем.

Впрочем, и здесь, как всегда, имеется и иная версия: якобы граф сначала развелся с Алиенорой, уличив ее в неверности, и лишь после этого обвенчался с Анной, а раз так – законность была соблюдена.

Так или иначе, Анна стала жить с Раулем в укрепленном замке Мондидье и одновременно с этим управлять Францией вместе с сыном-королем. От этого времени сохранились документы с ее подписями, при этом весьма примечательно, что она продолжала в основном подписываться кириллицей и гораздо реже латинскими буквами – Annae matris Filipi Regis (Анна, мать короля Филиппа).

Однако бурная жизнь не прошла для графа бесследно, и он все чаще стал жаловался на боли в сердце. Несмотря на то, что врач запрещал графу есть жареное мясо, сало и жирных гусей, а особенно злоупотреблять вином, он тем не менее съедал за столом по нескольку кусков говядины и выпивал не меньше кувшина крепкого вина, отчего его лицо становилось багровым, теряя последние остатки былой красоты.

Шел 1074 год. И вот в одну из темных ночей, с 21 на 22 февраля, граф де Валуа скончался, и Анна вторично осталась вдовой.

* * *

Потеряв Рауля, Анна пыталась забыться, окунувшись вновь в государственные дела. Зная об отношении к себе сына покойного Симона, ставшего после смерти отца графом де Валуа, и о неприязни многих его приближенных, она покинула Мондидье, с которым было столько связано в ее жизни, и перебралась в Париж, к сыну Филиппу.

Там она опять стала подписывать указы и распоряжения (ее уверенная подпись не раз еще будет встречаться на деловых бумагах французского двора рядом с «крестами» неграмотных королевских чиновников).

Французский историк, касаясь государственной грамоты, подписанной Анной, отмечает: «На ней королева Анна не удовольствовалась, по обычаю тех времен, за общей безграмотностью, поставить крест рядом со своей подписью, написанной рукой писца, но собственноручно подписала ее своим именем на русском языке».

Филипп неустанно трудился на пользу Франции, был деятельным и полным сил, хотя заметно толстел с каждым годом. Заметив однажды, что мать с огорчением рассматривает его молодую, но уже отяжелевшую фигуру, Филипп ударил себя по животу и беззастенчиво рассмеялся:

– Что ты смотришь на меня? Я стал тучен? Это правда. Скоро мне будет трудно взбираться на коня. Кто тогда поведет в бой французских рыцарей? Может быть, мой брат Гуго?

Он знал, что брат не предаст его.

Анна часто оставалась в полном одиночестве: Филипп при каждом удобном случае отлучался из Парижа, младший сын Гуго женился на богатой наследнице, дочери графа де Вермандуа, чтобы узаконить захват этих земель, и перебрался жить в родовой замок.

Тем временем Симон, ставший хозяином замка Мондидье, перенес гроб отца в Крепи, где были похоронены родственники графа, и Анна не решилась поехать туда. Дело в том, что король Филипп окончательно отобрал у Симона графство Вермандуа и на вечные времена закрепил его за братом Гуго.

Никому теперь не было дела до королевы, и навеки ушли в прошлое годы, когда люди считали Анну счастливой и любовались ее красотой.

Время тянулось в сводчатых залах парижского дворца томительно. Иногда королеву мучила бессонница. А если она спала, то первая мысль Анны утром, по пробуждении, летела к милым сестрам и братьям, и однажды у нее родилось пламенное желание отправить кого-

нибудь на Русь, чтобы этот человек посетил ее близких, своими глазами посмотрел на то, что там происходит, и, вернувшись во Францию, обо всем рассказал.

Но кого послать?

Выбор Анны пал на рыцаря Вольца.

* * *

В Париже, сидя у окна, Анна с тоской ожидала возвращения Вольца, однако его все не было и не было. Путешествие Вольца продолжалось много месяцев (путь-то был неблизкий). Поездку на Русь он совершил с попутными купцами, и ничего достойного упоминания во время этих странствий не произошло, но вот в самом Киеве даже воздух был наполнен тревогой, ибо враги со всех сторон угрожали Русской земле. События задержали Вольца дольше, чем он рассчитывал, и Анна уже отчаялась увидеть своего посланника, как вдруг однажды утром он возвратился в Париж и, обливаясь слезами, стал рассказывать королеве о том, что видел и слышал.

Очень печальные вести привез Анне Вольц. Оказалось, что вскоре после ее отъезда из Киева умерла ее мать. Через четыре года после смерти жены, 19 февраля 1054 года, в Вышгороде скончался отец Анны, Великий князь Ярослав Мудрый. Похоронили его в Киеве, в Софийском соборе.

К несчастью, у старого больного Ярослава не хватило решимости оставить верховную власть кому-то одному из сыновей. Свои земли он поделил между сыновьями, завещая им жить в согласии, почитая старшего брата. Старшим братом был Владимир, который был посажен на княжение в Новгород, но он умер за два года до отца, а посему старшим теперь считался Изяслав, женатый на сестре польского короля Казимира. Поначалу он получил от отца город Туров, но после смерти старшего брата и самого Ярослава Мудрого стал Великим князем Киевским. Третий брат Святослав стал князем Черниговским, Всеволод – князем Переяславским, Вячеслав – князем Смоленским, а Игорь – князем Владимирским.

Перед смертью Ярослав Мудрый сказал сыновьям:

– Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня.

Старшему же сыну Изяславу он сказал особо:

– Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают.

К сожалению, таким решением Ярослав Мудрый лишь спровоцировал новый виток борьбы за великокняжеский престол. Однако первое время братьям было не до ссор, ибо на Киев вновь напали половцы. Еще до приезда Вольца Изяслав, Святослав и Всеволод, создав «триумвират Ярославичей», вышли в поле против этих страшных врагов. Но князья потерпели жестокое поражение, после которого Изяслав и Всеволод бежали с остатками дружины в Киев, а Святослав заперся в своем Чернигове.

Вольц прибыл в Киев как раз в те дни, когда Изяслав и Всеволод уже вернулись из гибельного похода. В городе скопилось множество беженцев из пограничных селений. Все это были простые крестьяне, искавшие защиты за высокими киевскими валами. Положение выглядело близким к катастрофическому, и Изяслав не проявлял должной энергии, достойной старшего из потомков Великого князя Ярослава. В 1068 году он был свергнут начавшимся в Киеве народным восстанием и бежал в Польшу. С помощью польских войск на

следующий год он вернулся, но «триумвират Ярославичей» к тому времени уже распался, и младшие братья Святослав и Всеволод вступили в заговор против Изяслава. В 1073 году Святослав Черниговский захватил Киев, и Изяслав вновь бежал в Польшу, где на сей раз польские власти его не приняли, ибо уже заключили союз со Святославом и Всеволодом.

Все это было ужасно. А ведь Анна еще не знала того, что в 1076 году Святослав умрет, став первой известной на Руси жертвой неудачной хирургической операции (он умрет от разрезания опухоли). После этого ставший его единоличным преемником любимый брат Анны Всеволод поимирится со старшим братом и вернет ему Киевское княжение, а сам удалится в Чернигов. Но междоусобные войны на этом не закончатся, ибо против Изяслава и Всеволода восстанут их племянники.

Ну, и хорошо, что она всего этого не узнала. Кто больше знает, тот больше страдает. А страданий Анне и так выпало предостаточно. Говорят, что через страдания проходит путь к величию. А еще говорят, что это чуть ли не единственный путь к величию.

Может быть, это и так.

Но Анна в последние годы своей жизни была очень далека от подобных мыслей. Жилось ей тоскливо, и ее больше не ждали никакие значительные события. Ушли из жизни очень многие близкие ей люди. Во Франции умер ее учитель и духовный наставник епископ Готье Савейер. Погиб муж любимой сестры Елизаветы, король Норвегии Харальд Смелый. Не осталось никого, кто некогда прибыл с юной Анной на французскую землю: кто умер, а кто возвратился на Русь.

> О последних годах жизни Анны Ярославны мало что известно. Последняя подписанная ею грамота относится к 1075 году. Дальнейшая ее судьба – тайна за семью печатями.

Существует предание, что в конце жизни Анна Ярославна вернулась на Родину и, прожив там несколько лет, умерла. Выбитая у подножия ее статуи в Санлисе строка «Анна возвратилась на землю своих предков», вроде бы дает основания историкам думать так. Русские летописи об этом, однако, молчат.

Возможно, она ездила в Киев, но вернулась обратно во Францию, где она любила и была любима и где прошла вся ее жизнь.

На самом деле, зададимся вопросом – что было делать этой женщине в стране, которую она покинула в молодости и в которой теперь она никого не знала?

По иным версиям (и они выглядят более достоверными), она никуда не уезжала и дожила свой век при дворе сына Филиппа. По словам русского историка Н.М.Карамзина, «честолюбие, узы семейственные, привычка и вера католическая, ею принятая, удерживали сию королеву во Франции».

Как бы то ни было, огорчения и болезни окончательно сломили Анну, и она умерла предположительно в 1082 году в весьма преклонном по тем временам возрасте. По другим версиям, это произошло где-то между 1076 и 1089 годами. В любом случае, точная дата ее смерти неизвестна, как неизвестно и точное место захоронения этой удивительной женщины.

Глава 5
Иван IV Грозный – первый царь Всея Руси

После Ярослава Мудрого Великие князья Киевские менялись, как в калейдоскопе: Изяслав, Всеслав, Всеволод, Святополк… Относительно известен Владимир Мономах, да и то в основном лишь по пушкинской фразе из драмы «Борис Годунов» про то, что тяжела шапка Мономаха. Это о тяжести власти, об ответственности. Если кто не знает, это заключительные слова драмы, а шапкой Мономаха венчались на царство московские правители, и это выражение получило в произведении А.С.Пушкина метафорический смысл – типа трудно управлять государством.

Да не просто трудно – смертельно опасно. Святополк в 1113 году был отравлен. Игорь в 1147 году был убит разъяренной толпой, а труп его, привязав к ноге веревку, выволокли и бросили на торговой площади. Юрий Долгорукий в 1157 году умер, отравленный киевскими боярами. Глеб, его сын, в 1171 году тоже был отравлен, и Андрей Боголюбский, его брат, требовал расследования и выдачи подозреваемых в этом преступлении…

И так много веков подряд.

Но при этом все великие князья в той или иной степени продолжали политику собирания русских земель.

И вот Иван III, сын Василия Темного, в 1462 году был провозглашен Божьей милостью «государем и Великим князем Всея Руси, Владимирским, Московским, Новгородским, Псковским, Тверским, Пермским, Югорским и Болгарским и иных». А вот его внук, Иван Васильевич, стал в 1547 году первым царем Всея Руси.

Кстати, его отец Василий III долгое время не имел детей и даже запрещал в связи с этим жениться своим родным братьям, чтобы их более взрослые сыновья не стали соперниками его прямому наследнику. Но его все не было и не было, и тогда Василий пошел на невиданный шаг: он развелся со своей женой Соломонией Сабуровой, обвинив ее в бездетности, и тут же женился на молодой красавице Елене из литовского княжеского рода Глинских, перешедшего на службу московскому князю.

* * *

Как пелось в одной песне из моего детства, «кто весел – тот смеется, кто хочет – тот добьется, кто ищет – тот всегда найдет», и в 1530 году у упорного Василия III родился долгожданный сын – Иван.

Это была одна из самых неоднозначных личностей в российской истории. Детство Ивана получилось безрадостным. В три года он потерял отца, а в семь лет остался круглым сиротой. Опекунами его стали братья Шуйские, к которым он на всю жизнь сохранил, мягко скажем, недобрые чувства. Сам Иван говорил о них так: «Князь Василий и Иван Шуйские самовольно навязались в опекуны и таким образом воцарились».

И вот пришлось мальчику взрослеть посреди коварных и властолюбивых кланов, боровшихся друг с другом за сферы влияния.

И как тут было кому-то доверять?

Как было полюбить людей?

Как было не постичь премудрости плетения интриг и приемы безжалостных расправ?

Достигнув совершеннолетия, Иван решил покончить с окружавшей его грызней, и он принял титул царя. 16 января 1547 года в Успенском соборе Московского кремля прошла торжественная церемония венчания Великого князя Ивана Васильевича на царство.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Царь – это один из титулов монарха. Первым правителем, принявшим в 917 году титул «царь», был болгарский князь Симеон I. Царями назывались монархи Русского государства с 1547 по 1721 г. А произошло это слово от латинского «caesar» (цезарь или кесарь). Это идет от имени Юлия Цезаря, хотя у самих римлян титул «цезарь» не соответствовал понятию «царь», который у римлян именовался так – rex. Кстати, и сам Цезарь никогда не стремился к титулу царя. Но зато латинское «caesar» было позаимствовано в качестве титула верховного властителя соседними с римлянами народами, и так появилось немецкое слово «kaisar» (кайзер) и балканское «car» (цар). В наш язык слово «цесарь» пришло от слова «kaisar», а потом оно сократилось до варианта «царь». Отметим, что первоначально это слово использовалось славянами для обозначения римских и византийских императоров. Отсюда, кстати, и славянское название византийской столицы – Царьград. Потом этим термином стали обозначать также и древних владык, известных из исторической и церковной литературы: например, царь Давид, царь Соломон. А вот Иван IV Грозный короновался в 1547 году как Царь Всея Руси. Соответственно, государство стало называться Российским царством. И лишь в 1721 году Петр I принял титул императора. Но неофициально слово «царь» продолжало употребляться вплоть до свержения монархии в феврале-марте 1917 года. В частности, государственный гимн России начинался словами: «Боже, царя храни…»

Отметим, что на заре своего царствования Иван IV был настроен в целом весьма либерально и даже реформаторски. Он провел ряд прогрессивных реформ, направленных на модернизацию и укрепление «вертикали власти». Не обошел он стороной и правовые вопросы: в 1550 году был принят новый судебник, дававший право свободного перехода крестьян от одного землевладельца к другому, а также предоставлявший крестьянским общинам право самоуправления, частичного распределения податей и надзора за порядком.

В 1549 году был собран Земский собор, и в данном случае это не большая церковь, а собрание представителей всех слоев населения, кроме крепостных крестьян. Эдакий прообраз первого русского парламента. А почему «земский»? А это в противоположность соборам церковным, и тут слово «земский» обозначает «общегосударственный» (как бы дело «всей земли»).

А в 1555–1556 гг. молодой царь принял Уложение о службе, укрепил дисциплину в армии и повысил ее боевую готовность. При нем, кстати, стрельцы, вдобавок к своим лукам, стрелам и палашам, получили огнестрельное оружие, а тогда это было диковиной даже в передовой Европе. Развивалась при царе Иване и русская артиллерия.

А все для чего?

Понятное дело, ведь Иван Васильевич на протяжении почти всего своего царствования вел кровопролитные войны. Считается, что он за свою жизнь не проиграл ни одной войны: он разгромил Швецию, одержал безоговорочную победу над последним оплотом Золотой Орды – Крымским и Казанским ханствами. Впрочем, нет. Ливонская война все-таки закончилась для России огромными потерями, в том числе и земельными. Но зато Иван Васильевич благословил партизанскую, по своей сути, вылазку казаков под предводительством атамана Ермака Тимофеевича в сердце Сибирского ханства. Итоги этой вылазки известны:

ханство было разбито, местное население было обложено податями, сам Ермак в 1585 году погиб (обремененный доспехами и кольчугой, он утонул в Иртыше), но зато Россия, благодаря ему, приросла суровым, но сказочно богатым краем – Сибирью.

ИНТЕРЕСНЫЙ ФАКТ

Площадь Сибири составляет 9,7 миллиона квадратных километров, а это 9 % земной суши.

Но зато… Это очень характерные для Ивана IV слова. Кто бы что о нем ни сказал, всегда можно тут же произнести эти слова, а потом начать перечислять то, что было в то же самое время.

Царя Ивана Васильевича сейчас больше знают по фильмам, в том числе и по прекрасной кинокомедии Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», но фильм – это фильм, и к реальной истории он не имеет никакого отношения. Но, к сожалению, образ первого русского царя сформирован, и тут уже ничего не изменишь. А ведь он был не такой даже внешне. Он был уж точно не тощим замухрышкой, каким его так любят изображать художники.

Откуда это известно?

Ну, например, из результатов вскрытия гробницы, проведенного в 1963 году, и оно показало, что Иван Васильевич был широкоплечим богатырем ростом 180 сантиметров.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

180 см – это по тем временам был очень большой рост. Для сравнения: великий завоеватель Персии и других стран Ближнего и Среднего Востока Тамерлан имел рост всего 145 см, Александр Македонский и Карл Великий имели рост 150 см. Да и позднее Людовик XIV (надменный «Король-Солнце») имел рост всего 156 см, и он подкладывал себе в обувь картонные подкладки, чтобы казаться повыше. А Великий Наполеон? Его рост составлял 169 см. Или вот еще несколько примеров: рост диктатора Франко составлял 157 см, адмирала Нельсона – 160 см, Сталина – 165 см, Пушкина и Черчилля – 166 см.

С одной стороны, именно Иван IV, прозванный Грозным, создал Россию с ее современными (европейскими) границами и основал, как минимум, четверть ныне существующих городов. Именно он фактически первым разработал учение о русской православной монархии. Именно он ввел всеобщую выборность в местные законодательные и исполнительные органы власти. Именно он гарантировал всем слоям населения, кроме крепостных, представительство в высшем законодательно-совещательном органе государства: Земском соборе. Именно он ввел в России всеобщее начальное образование.

С другой стороны (да-да, то самое пресловутое «но зато»), если посмотреть на памятник Тысячелетию России, установленный в Великом Новгороде в 1862 году, то там Ивана Грозного нет (??!!)

А все почему?

Да потому, что правление его было уж очень жестким и кровавым.

* * *

Иван Грозный создал опричнину, по сути, освобожденную от всякой ответственности. Опричникам было позволено устраивать грабежи и погромы бояр, а в случае оказания сопротивления им разрешалось беспощадно казнить и убивать всех несогласных с государем. Да

и у самого Ивана Васильевича явно прослеживались садистские наклонности и мания преследования, а его крутой нрав и приступы гнева просто вошли в историю.

Вот, например, утверждается, что в 1571 году Иван Грозный перенес свою столицу в Великий Новгород, в котором был построен дворец площадью 14,5 га, а также проведены масштабные работы по благоустройству. Но до этого царь «очистил» этот русский город от измены, и многое в обстоятельствах этой трагедии до сих пор остается неясным, а порой и просто загадочным.

Да, крутой нрав, вспыльчивость и жестокость Ивана IV хорошо известны, и Новгородский погром – поход царского войска на Новгород в 1569–1570 гг. – сопровождался массовыми убийствами.

А все почему?

Якобы царь заподозрил новгородскую знать в соучастии в «заговоре» и одновременно в намерении передаться польскому королю Сигизмунду II Августу.

Якобы новгородцы хотели то ли выдать царя польскому королю, то ли возвести на трон двоюродного брата царя и единственного, помимо сыновей Ивана, законного претендента – князя Владимира Андреевича Старицкого.

Царское войско насчитывало 15000 человек, в том числе 1500 стрельцов, и историки до сих пор спорят о количестве жертв этого погрома. Называются самые разные цифры – от полутора до сорока и даже шестидесяти тысяч человек. Впрочем, есть и такие, кто утверждает, что «никаких данных о волнениях или протестах горожан против царя нет», и это якобы наглядно доказывает, «что о новгородской резне 1570 года ни царь, ни сами новгородцы в XVI веке ничего не знали».

* * *

Вот даже как! Как говорится, хоть стой, хоть падай. Но факт остается фактом: новой столицей Великий Новгород так и не стал. И последнее десятилетие жизни Ивана Грозного прошло в каком-то страшном угаре, и некоторые ученые считают, что именно «новгородское дело», совпав с голодом и эпидемиями, поразившими страну, окончательно надломило психику первого русского царя.

Конечно, времена тогда были жестокие. Позднее Средневековье! И на Западе, и на Востоке людей тогда и за людей-то не считали, и повсюду свистели плети, горели костры и шипело раскаленное железо. Но Иван IV потому и получил прозвище Грозный, что проделывал все это не только ради «государственной пользы», но и с явным удовольствием.

Конечно, времена тогда были жестокие. Позднее Средневековье! И на Западе, и на Востоке людей тогда и за людей-то не считали, и повсюду свистели плети, горели костры и шипело раскаленное железо. Но Иван IV потому и получил прозвище Грозный, что проделывал все это не только ради «государственной пользы», но и с явным удовольствием.

Или вот еще говорят, что Иван Грозный «отменил в России феодализм» и что вся его политика «была проникнута глубокой православной религиозностью и борьбой за сохранение чистоты веры». Но при этом Иван убил главу Русской православной церкви. Вернее, не он убил, а его любимый опричник Малюта Скуратов. И за что? За то, что митрополит Московский и Всея Руси Филипп II (Федор Колычев) пытался увещевать Ивана и даже обратился к царю с обличительной речью в Успенском соборе Кремля. Малюта Скуратов не мог самостоятельно решиться на такое убийство, оно явно было совершено с согласия царя, а людям тогда сказали, что Филипп просто умер… от духоты в келье.

А еще говорят, что 16 ноября 1581 года Иван Грозный убил своего сына Ивана, и до недавнего времени факт этого убийства казался бесспорным, и он нашел отражение в изобразительном искусстве и даже в школьных учебниках.

Но вот, например, в Новгородской летописи говорится: «Того же году преставися царевич Иоанн Иоаннович на утрени в Слободе…»

А Морозовская летопись констатирует: «Не стало царевича Иоанна Иоанновича».

Как видим, об убийстве ни слова.

Версия об убийстве пошла гулять по свету из 9-го тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, и связана она с Ливонской войной 1561–1583 гг. В 1581 году начались предварительные переговоры о мире, который приносил России существенные территориальные потери. И царевич Иван якобы выступил против и в сопровождении бояр явился к отцу требовать, чтобы он с войском был послан освобождать Псков от захватчиков. Иван Грозный рассвирепел:

– Мятежник! Ты вместе с боярами хочешь свергнуть меня с престола!

В приступе гнева царь якобы замахнулся на сына, находившийся рядом Борис Годунов попытался это предотвратить, за что был избит царем. После этого Иван Грозный повернулся к сыну, продолжил начатое «отцовское воспитание», которое якобы и привело к злополучному удару в висок.

* * *

Почему я тут все время говорю «якобы» да «якобы»?

Да потому, что никто не знает, как все было на самом деле. Например, есть историки, которые утверждают, что Иван Грозный не мог совершить это убийство хотя бы по медицинским показаниям – царь в это время был парализован.

А в октябре 2013 года группа историков вообще обратилась с письмом к министру культуры России с просьбой-требованием убрать из Третьяковской галереи знаменитую картину И.Е.Репина на эту тему, и в нем было сказано: «Современной исторической наукой твердо установлено, что первый русский царь Иоанн не убивал своего сына».

По мне, так это они явно приукрасили. Конечно, ничего исторической наукой в данном случае не установлено, и уж тем более – «твердо». Просто многие ученые все больше и больше сомневаются в достоверности этого события. И, соответственно, нет никаких серьезных доказательств того, что царевич умер насильственной смертью. Наоборот, многое говорит о слабом здоровье наследника, о его болезнях, которые, скорее всего, и привели к смерти.

ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ

За время правления Ивана IV Грозного территория страны увеличилась примерно в 30 раз! Несмотря на некоторые явные отклонения в психике Ивана, следует признать, что своей особо кровавой репутацией он в основном обязан «черному пиару», который существовал во все времена. Достаточно сказать, что количество жертв одной лишь Варфоломеевской ночи (так называлось массовое убийство гугенотов во Франции, устроенное католиками в ночь на 24 августа 1572 года, в канун дня Святого Варфоломея), по различным оценкам, составило около 30000 человек. Так что, скорее всего, правы те, кто утверждает, что «по части жестокости Иван был вполне ординарным правителем своего времени».

Сам Иван IV Грозный умер в марте 1584 года, и он оставил своим наследникам обширную державу с мощной армией и полной казной. Во всяком случае, в течение 20 лет после

его смерти никто не рискнул начать с Россией новую войну. Но зато его смерть стала прологом к не самому лучшему периоду российской истории – Смутному времени.

Глава 6
Побег князя Андрея Курбского в Великое княжество Литовское

Во времена Ивана Грозного на Руси появились первые беженцы по политическим мотивам, и самым знаменитым из них был князь Андрей Михайлович Курбский, родившийся в 1528 году. Он сбежал в Литву и неплохо устроился в новых для себя условиях.

Князь Андрей Курбский происходил из смоленско-ярославской линии Рюриковичей – из той ее части, что владела селом Курба. И, кстати, именно он очень точно ухватил суть Ивана Грозного в своей знаменитой переписке с ним: «Яко Сатана, Богом себя возомнивший».

Бежал князь Курбский под покровом ночи. Он спустился по веревке с высокой крепостной стены и с несколькими верными слугами ускакал в ближайший неприятельский замок – Вольмар. По некоторым данным, он бежал на трех лошадях и успел взять с собой двенадцать сумок, набитых разным добром. Но при этом он оставил свою жену. Он просто не мог взять ее с собой, ибо она в то ужасное время ждала ребенка.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

В 1564 году, в разгар Ливонской войны, Курбский получил известие о предстоящей опале, бежал и поселился в Великом княжестве Литовском. После этого он вел с русским царем знаменитую переписку. И понять этого князя, в принципе, можно. С 1562 года Иван Грозный начал волну жестоких репрессий против своих бояр. Один за другим друзья Курбского отправлялись на плаху, а их имущество переходило в царскую казну. И вот 30 апреля 1564 года, подозревая, что настала его очередь, и не дожидаясь ареста, Курбский покинул город Юрьев, где он был на воеводстве, перешел границу и явился к властям Великого княжества Литовского.

Считается, что московские друзья тайно предупредили князя о грозящей ему царской опале.

Из-за границы князь Андрей потом отправил Ивану Грозному три письма, в которых обвинял его в самовластии, в кровожадности и во многом другом. Он задавал вопросы:

«Зачем, царь, сильных истребил и воевод, дарованных тебе Богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и святую кровь их победоносную в церквах божьих пролил, и кровью мученическою обагрил церковные пороги, и на доброхотов твоих, душу свою за тебя положивших, неслыханные от начала мира муки, и смерти, и притеснения измыслил, обвиняя невинных православных в изменах, и чародействе и в ином непотребстве?»

Такие вопросы, кстати, называются риторическими. Это вопросы, ответы на которые заранее известны, и вопросительное высказывание в данном случае подразумевает вполне определенный ответ. Так что риторический вопрос по сути представляет собой утверждение, высказанное в вопросительной форме.

Выучи это слово и как-нибудь вставь его в разговоре с родителями или с учительницей. Увидишь их реакцию…

Но это просто так, для информации, а вот Андрей Курбский писал Ивану Грозному еще и такое:

«В чем же провинились перед тобой и чем прогневали тебя христиане – соратники твои? Не они ли разгромили прегордые царства и обратили их в покорные тебе во всем, а у них же прежде в рабстве были предки наши? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя

нас и со всеми близкими нашими? Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не боишься предстать перед неподкупным судьей – надеждой христианской, богоначальным Иисусом, который придет вершить справедливый суд над вселенной».

Царь писал князю ответы, объясняя свою позицию и оскорбляя его. Плюс царь заочно обвинил Курбского в том, что он замышлял мятеж и хотел отсоединить от царства Ярославль. Таким образом, последующее уничтожение семьи Курбского оправдывалось соображениями «сохранения целостности государства».

Как пишет историк Р.Г.Скрынников, «беглый боярин утверждал, будто он угадал грядущую немилость от царя», а Иван Грозный в самых резких выражениях «упрекал беглого боярина за то, что он поверил наветам лжедрузей».

Явившись на службу к королю Сигизмунду, князь Курбский был пожалован несколькими обширными поместьями, в том числе и городом Ковелем, которыми он потом и управлял через своих людей. Жил Курбский в местечке Миляновичи, на территории нынешней Украины, недалеко от Ковеля. Но все эти имения были пожалованы ему «на выхованье», то есть во временное владение, без права собственности.

Судя по многочисленным процессам, акты которых сохранились до настоящего времени, Курбский быстро ассимилировался с польско-литовскими вельможами. Он в 1571 году женился на богатой вдове Марии Козинской (урожденной княжне Гольшанской), потом с ней развелся, женился еще раз на волынской дворянке Александре Семашко. В этом браке имел дочь и сына. Кстати, сын Курбского Дмитрий перешел в католичество. И далее род Курбских развивался, как и другие шляхетские роды.

Но вот вопрос – а было ли поведение Андрея Курбского изменой? Может быть, этот человек просто «выбрал свободу» и «проголосовал ногами» против опричнины и произвола, творимого Иваном Грозным?

В те времена, кстати, с феодальной точки зрения, это не могло считаться изменой. Просто вассал (мелкий феодал) захотел сменить сюзерена (правителя), уехал из своего прежнего удела, представился по прибытии новому сюзерену, коим и был обласкан и награжден землями. С другой стороны, по этике средневекового рыцарства, такой вассал должен был лично явиться к сюзерену и объявить, что выходит из вассалитета. Только после этого можно было выбирать себе нового сюзерена и отправляться к нему. Если, конечно, оставался жив.

Между прочим, последнее – очень важное уточнение. Получается, что побег князя Курбского из-под опалы – это был побег для спасения собственной жизни. При этом, спасая себя, князь в прямом смысле этого слова наплевал на жизнь своей матери, первой жены и прочих родственников.

Но есть и другие данные. Например, утверждается, что уже в январе 1563 года Курбский установил изменнические связи с литовской разведкой. 13 января 1563 года король Сигизмунд в письме Раде Великого княжества Литовского благодарил витебского воеводу Н.Ю.Радзивилла «за старания в отношении Курбского». По заключению историка Р.Г.Скрынникова, речь могла идти о передаче Курбским сведений о передвижении русской армии, что способствовало поражению русских войск в сражении 25 января 1564 года под Улой.

Ну и, конечно, совсем некрасивый факт: уже осенью 1564 года князь воевал против Москвы. Поскольку он прекрасно знал систему обороны западных рубежей, при его участии войска Великого княжества Литовского неоднократно устраивали засады на русские отряды. В октябре 1564 года Андрей Курбский принял участие в осаде польско-литовским войском города Полоцка, недавно завоеванного Иваном Грозным. А зимой 1565 года князь, будучи одним из командиров литовской армии, участвовал в опустошении и разграблении Великолуцкой области. А осенью 1579 года Курбский участвовал в походе Стефана Батория на Полоцк.

Андрей Михайлович Курбский скончался в своем имении Миляновичи под Ковелем в мае 1583 года. Иван Грозный пережил его и умер в следующем году.

Глава 7
Несостоявшийся английский брак Ивана Грозного

За время правления Ивана Грозного у него было много жен. И со всех уголков страны на высочайшие смотрины в столицу свозились отборные невесты. Правда, мало кто из избранниц впоследствии не пожалел о царском выборе. Жен, заподозренных хоть в чем-то, мнительный и недоверчивый Иван Васильевич неизменно отправлял в монастырь (Анна Колтовская, Анна Васильчикова, Василиса Мелетьева), либо они умирали не своей смертью (Мария Темрюковна, Марфа Собакина, Мария Долгорукая). Исключением стала лишь первая и любимая из жен – Анастасия Захарьина-Юрьева. Но и она скоропостижно скончалась в 1560 году, и эта смерть явно надломила молодого государя, укрепив его в ненависти к боярам, по слухам, отравившим любимую супругу.

Итак, у первого царя Всея Руси было, по разным данным, шесть или семь жен, и из них только первые четыре были «венчанными», то есть законными с точки зрения церковного права. При этом, по словам некоторых биографов Ивана Грозного, царь «грезил об Англии, верил, что эта страна – бесценный союзник».

СТРАШНЫЕ ФАКТЫ

Марфа Собакина была отравлена через две недели после свадьбы. По некоторым данным, в ходе расследования было казнено два десятка человек, в том числе трое двоюродных братьев Марфы. Что касается Марии Темрюковны, то Иван Грозный подозревал бояр в том, что они ее «извели», и она «злокозньством отравлена бысть». А вот Мария Долгорукая была утоплена в проруби после первой брачной ночи – после того, как царь узнал, что она «еще прежде потеряла свое девство». Впрочем, существует версия, что никакой Марии Долгорукой, как и ее ужасной кончины, в реальности не существовало. Якобы это «не более чем ходячая легенда».

А что, Англия – вполне приличная страна. Немного высокомерная, и климат там неважнецкий, но зато такая древняя история, родина футбола, всякие там Кембриджи и Оксфорды…

Правда, футбола в современном понимании тогда еще не придумали, а вот названные университеты уже были. Но постаревшего и страдавшего от всевозможных недугов русского царя обуревали совсем другие фантазии, в числе которых вдруг оказалась и такая: Англия обеспечит его оружием и сделает это охотнее, если окажется связанной с Русью супружескими узами.

Короче говоря, Иван Грозный, несмотря на недавнюю женитьбу на Марии Нагой, вдруг решил сочетаться браком с какой-нибудь близкой родственницей английской королевы. Но, во-первых, царь уже был женат, во-вторых, Елизавета I из династии Тюдоров прекрасно знала об этом и не горела желанием участвовать в подобном спектакле, да еще с человеком, обладавшим, мягко говоря, не самой лучшей репутацией.

* * *

Тем не менее, в 1580 году Иван Грозный поручил Джерому Горсею, агенту «Muscovy Trading Company», основанной еще в 1551 году и обладавшей монополией на торговлю с Россией, выхлопотать у Елизаветы присылку военных припасов – свинца, меди, селитры, серы, пороху. Царь собирался начать войну с польским королем Стефаном Баторием. Но

инструкции, спрятанные Горсеем в сосуде с водкой, этим не ограничились. Царь более чем когда-либо желал найти в Англии новую для себя жену.

В 1581 году Горсей привел с собой три судна, нагруженные просимыми предметами. Плюс Елизавета прислала царю Роберта Якоби, доктора медицины, которого она сама высоко ценила. И этот человек стал вскоре лейб-медиком (придворным лекарем) царя. А еще он когда-то имел дело с семейством Фрэнсиса Гастингса, 2-го графа Гантингдона, дочь которого, леди Мэри Гастингс, показалась Якоби достойной невестой русскому государю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.